
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Лилия Агадулина
(г. Москва)

МЫ ДАВНО ЗНАКОМЫ

Лилия Агадулина, поэтесса и прозаик, родилась в городе Березники Пермской области. Живет и работает в Москве. Член СП России. Публиковалась в газетах «Березниковский рабочий», «Слово», «Московский литератор», в альманахе «Московский Парнас», «Путь Мастерства», в Антологии поэзии «Рождены для вдохновения». В 2011 году вышла книга стихов «Пустынный берег». Лауреат литературно-общественной премии «Звездная строфа».

В трамвай вошла пожилая женщина и села напротив меня. Взглянув на нее, я подумала: «Местная».

— Не подскажите? Улица Рогова, 20, когда мне выходить? — спросила я ее.

— Через одну остановку после меня,— ответила она.

Я глядела в окно трамвая. «Какой живописный пейзаж в этом районе, сколько зелени...» И как бы в подтверждение, тут же услышала по динамику.

— Улица Живописная, дом 50.

Улыбнувшись, проговорила, обращаясь к женщине:

— Красивые места здесь. Это канал Москвы-реки?

— Это Москва-река,— обиженно ответила она.

— Тридцать лет живу в Москве, а здесь бывать не приходилось,— извиняясь, сказала я и подумала про себя: «Вот так Москва и познается!»

Еще вчера я и помыслить не могла, куда меня сегодня занесет.

Я сидела в кабинете редакции (зашла за очередным номером «Московского Парнаса»), в «нагрузку» получила презент — новый том антологии современной прозы и тут же — задание: оповестить авторов о собрании, на котором будет его обсуждение.

Этот в Америке, этот уже знает, этому, пожалуйста, позвони. А этот не сможет приехать.

Анатолий Жуков. Издатель, писатель... Увы, возраст...

Я смотрела на фотографию. «Очень знакомое лицо»...

— Ой, я его знаю! Читала, у меня его книга есть. Давайте, я отвезу ему сборник.

— Очень хорошо будет,— обрадовался издатель — И ему приятно, что его не забывают. Только созвонитесь с ним предварительно. Вот вам справочник...

Анатолий Николаевич встретил меня настороженно. Когда же я сказала, что от Ханбекова, лицо его просветлело:

— Знаю, знаю очень давно, лет тридцать-сорок, большой человек, большой талант,— проговорил он, одобрительно покачав головой.

Пригласил меня на кухню.

— Сейчас чай будем пить. Кушать хочешь? Вот, кашу сварил. Я один, жена на полях со студентами «пасется», она у меня биолог. Долго ты добиралась? А я вот здесь работаю,— сказал он, убирая со стола рукопись.— Тяжело работается,— вздохнул он.— Возраст. Работаю над третьей книгой «Так и живем» — биографическая, хочу успеть...

Провел рукой по глянцевой обложке антологии.

— Хорошая книга, оформление хорошее.

— Вот он, ваш рассказ, 66 страница. «Черная и белая»,— сказала я.

— Это ведь здесь все как было, все — правда,— с грустью в голосе проговорил он.

— Да, я поняла, читала, мне понравился ваш рассказ... У меня есть ваша книга, Анатолий Николаевич, 83-го года выпуска,— сказала я, протягивая ему книгу в темно-зеленой обложке.

— «Счастливо доехать»? — он удивленно посмотрел на меня.— Значит, давно мы знакомы с тобой... То-то я сразу проникся к тебе, как только увидел. А я тебе еще подарю книгу. Пойдем, посмотришь, как я живу,— и он провел меня в одну из комнат.

Книжные шкафы, книжные полки, книги на столе, иконы, фотографии...

— Дочка моя,— сказал он, указав на фотографию молодой женщины. Филолог, кандидат наук, три языка знала, стихи писала, вот ее книга. Умерла в тридцать шесть.

— Какое хорошее лицо! Беленькая.

— Да, хорошее,— грустно проговорил он, и я услышала боль в его голосе.

— Трех детей похоронил,— продолжил он.— дочку и двоих сыновей. Один летчик был, другой — машинист электропоезда... Пойдем,— и он проводил меня в другую комнату.— А вот эта комната моих «англичан». Дочка с семьей в Англии живет. Скоро приедут в гости. Дочка — педагог.

И в третьей комнате ничего лишнего — диван, стол, книжный шкаф. Прошли на лоджию, обитую свежей вагонкой. Постояли, полюбовались пейзажем.

— Красивый вид.

— Да, красивый.

«В хорошем месте расположен этот дом»,— думала я.

Зеленые кроны деревьев волнами убегали в даль...

— Ну, пойдем, пойдем чай пить. Ого, уже три часа! Долго ты добиралась, обедать пора. Вот каша, творог, сыр, пряники, рулет. Ешь давай. Как не хочу? Ты хоть знаешь, что ты очень худая, тебе надо есть!

И он посмотрел на меня так, что я с удовольствием принялась за еду.

За чаем он много рассказывал о себе.

— Детство трудное было, семья большая. На одиннадцатом году пошел работать, в первые дни войны. Дали мне низкорослую лошадь (монголку), конные грабли. В ту пору как раз сенокос был. Очень я полюбил эту лошадь, ухаживал за ней. Кончился сенокос, зябь начали пахать...

— Первый рассказ был напечатан в газете Одесского военного округа (когда он служил в армии). Рассказ назывался «Дружба», написан был карандашом, на почтовой бумаге, подписался — младший сержант Жуков. Дали вторую премию — 500 рублей.

После армии учился в вечерней школе, получил среднее образование. Работал разъездным корреспондентом в «Ульяновской правде». В тридцать поступил в Литинститут на очное отделение...

Много мне рассказал о себе Анатолий Николаевич. Сложная, удивительная судьба простого крестьянского паренька.

— А я ведь тоже прозу пишу,— сказала я, немного смущаясь.

— Принесешь, почитаю.

— Хорошо.

— Давай-ка я тебе книгу подарю,— и он вынес из комнаты красивый том — «Вечерний благовест». Подписал. Я открыла книгу, прочитала пожелание. Очень простые и теплые слова.

— Спасибо,— улыбнувшись, сказала я.— Вижу, вы не теряете связь с родиной,— подметила, увидев на второй странице благодарственную надпись.

— Да, директор совхоза помог издать эту книгу. Куда издать на нашу пенсию?!

— Да, на нашу пенсию далеко не разбежишься.

Коробку конфет, которую я привезла ему в подарок, он никак не хотел брать. Сошлись на том, что произвели взаимобмен. Он принес из комнаты несколько коробок и сказал:

— Выбирай.

Я выбрала «Raffaello». (Всю неделю потом пила чай с этими конфетами, с теплотой вспоминая о нашей встрече.)

Обнялись. Он трижды поцеловал меня. Договорились, что я позвоню, когда приеду с Урала.

Вот так и состоялось мое знакомство с человеком, которого я давно уже знала.

Р. S. Я благодарна судьбе, что мне выпал счастливый случай встречаться с человеком необыкновенно талантливым, мудрым, с огромным сердцем, как и весь мир, «целый, безбрежный, буйно красивый, богатый и щедрый, бесконечный и безначальный», мир, который писатель открыл своим читателям.

Анатолий Жуков, один из талантливых прозаиков нашего времени, получивший признание читателей и литературной критики. Его основные произведения — романы «Дом для внука», «Судить Адама», «Позади будущее», многочисленные повести и рассказы. Он — лауреат литературной премии Союза писателей СССР и Международной премии им. М. А. Шолохова. Работал в издательстве «Советский писатель», в журнале «Новый мир», в Союзе писателей СССР и в Международном Сообществе Писательских Союзов.

Умер 21 февраля 2013 года.

Николай Макаров
(г. Тула)

ХЛЕБ

Николай Макаров — наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

После окончания школы в относительно далеком шестьдесят шестом году прошлого века у меня, казалось, не было колебаний в выборе института для получения высшего образования.

— Только — журналистика! Только — МГУ, только — факультет этой самой журналистики.

Приблизительно так звучали мои амбициозные доводы на семейном совете.

«За»:

— отец преподаватель — пусть и сельской средней школы — русского языка и литературы;

— гора прочитанных книг;

— небольшой рассказик в полтора машинописных листа через два интервала, написанный мной и посланный на конкурс в какую-то газету, получивший положительные отзывы;

— и, главное, эйфория — лучше, пожалуй, термина и не подберешь — от прошедшего недавно по экранам страны фильма «Журналист».

«Против»:

— всего один довод — у нас в селе в то время не было черного и белого хлеба; был ржаной, пшеничный и ситный, привозимый из Города. Отец положил передо мной на тарелку кусочек хлеба и произнес тихим голосом:

— Напиши об этом кусочке ржаного хлеба, — помолчав пару секунд, добавил, — одну-две страницы...

С мечтой о журналистике, вернее о поступлении на факультет журналистики, сразу всем все стало ясно.

По прошествии стольких лет я постараюсь выполнить задание отца и написать — хотя и не профессиональный журналист — о кусочке ржаного хлеба.

...Первый гвардейский парашютно-десантный батальон совершает марш-бросок из Тулы в палаточный лагерь по весенней распутице. В замыкании растянувшейся почти на километр цепочки солдат, как обычно, — доктор (именно так, называют врача батальона) и два связиста: замек (заместитель командира взвода связи) гвардии сержант Лыжников и молодой солдат гвардии рядовой Нелюбин. На полпути двадцатикилометрового маршрута — небольшой отдых в пять-десять минут: проверить личный состав, перекурить, перемотать портянки, поправить снаряжение, перекусить, в конце концов, нехитрыми остатками «сухпек». Отдых подходит к своему логи-

ческому завершению, как один из солдат, отряхнувшись от нехитрой трапезы, бросает в грязево-снежное месиво недоеденный сухарь, входящий в знаменитый солдатский сухой паек, вооруженный которым десантник одной левой, запросто, расправляется с двумя «зелеными беретами».

Шутки шутками, но, видя происшедшее, гвардии рядовой Нелюбин, молодой солдат с тяжелой радиостанцией за спиной, ураганом налетает на ничего не понимающего «дембеля», бросившего этот сухарь, толкает его, будто перед ним на самом деле, вдруг, откуда ни возьмись, появляются два «зеленых берета». Тот, ошарашенный отлетает, моментально вскакивает — десантура же! — готовый кинуться на приборзевшего салагу и показать, кто есть ху и ху есть кто.

Тем временем, ни на кого не обращая внимания, Нелюбин падает на колени, бережно, нежно, ласково, благоговейно берет этот ржаной сухарь и, будто священнодействуя, очищает от успевших налипнуть грязи и снега. Поднимает на окружавших солдат полные слез глаза и произносит всего одну фразу:

— Это же — хлеб...

И в продолжение темы.

...Сколько может молодой солдат съесть порций за обед? Если его ни в чем не ограничивать? Ни в количестве блюд?.. Ни во времени, потраченном на трапезу?.. Ни на другие всевозможные ограничения?..

Но по порядку...

Пришел во взвод связи, под начало гвардии лейтенанта Фунтикова, служить, только что из «карантина», солдат. Нелюбин — его фамилия. Увалень увальнем. Топором обтесанное лицо. Русая поросль на голове после сверхмодной стрижки «под Котовского». Ручищи до колен с натруженными крестьянскими ладонями. Сапоги сорок шестого или сорок седьмого размера. Телосложения, отнюдь не богатырского. И рост: чуть больше ста семидесяти пяти сантиметров. И глаза — голубые, голубые глаза. Голубее — гордости каждого десантника — берета и полосок на тельняшке.

И, невероятный, патологический какой-то аппетит. Какая-то звериная жадность и быстрота поедания всякой пищи. Постоянная готовность смести все, что оставалось недоеденным на столе взвода связи. Дембельское дополнительное питание (за сто дней до приказа — не знаю, как в других войсках, но в Воздушно-десантных в мою лейтенантскую пору происходило все именно так, — все дембеля отдавали солдатам свое сливочное масло) — также моментально пропадало в его ненасытной утробе.

— Молодой! — Ворчали добродушно дембеля взвода связи. — Прослужит год, наестся.

Нелюбин все никак не мог наестся и постоянно что-нибудь да жевал. На полигоне, когда взвод связи во время стрельб стоял в оцеплении, он всегда выбирал (демократия, понимаешь, была во взводе) пост на «Вышке». Поближе к столовой. И, приходя первым, в каком-то наваждении съедал подчистую или завтрак, или обед, или ужин... всего взвода. Все съедал! Дюжину порций!!! Один!!! Так объел весь личный состав взвода один раз. Объел второй раз. Объел тре... Нет, третий раз объесть взвод ему не дали. Его не наказывали. Не объявляли строгий выговор с занесением... «в грудную клетку». С ним поступили по-другому. Совсем неожиданным и неординарным способом.

...Стоял воскресный солнечный день. Стрельб не было. Не было и оцепления. По столовой дежурили «свои» повара. Из первого взвода снабжения.

Поэтому на стол взвода связи «Бог послал» ни много, ни мало: миску соленых огурцов, полный восьмилитровый бачок наваристого борща... полный шестилитровый бачок гречневой каши... огромную с верхом тарелку (специально позаимство-

ванную у поваров для такого случая) жареной свинины... полный пятилитровый чайник компота... буханку ржаного и буханку пшеничного хлеба.

— Ешь!

Личный состав взвода расселился вокруг ненасытного Нелюбина, готовый в любой момент заклеить его обжорство безжалостным солдатским сарказмом и высказать все то нелюбезное, что накопилось за последнюю неделю, когда этот молодой солдат буквально обжирал весь взвод. Не припоминали «ветераны» подобного случая не только во взводе, но и в батальоне и даже в полку. Не было похожих уникамов. Вундеркиндов от обжираловки. Не было. И сейчас они проучат, набьют его безразмерное брюхо. Силой заставят его съесть выставленное на столе. Через «немогу», через, если надо, и блевотину...

— Все! Больше не осилю! — Нелюбин растянул бляху ремня, и блаженно-мироутворенная улыбка заиграла на его всегда хмуро-озабоченном лице.— Благодарю, ребята. Не поверите, я первый раз в жизни наелся по-настоящему.

По его порозовевшим (то ли от обилия еды, то ли от тепла столовой) щекам прокатились две слезинки.

— Нас в семье восемь детей. Сейчас, наверное, уже девять, и мне, как старшему...

Он не договорил, и по щекам прокатились еще две слезинки. Личный состав взвода потрясенно молчал...

— Благодарю!..

...От того знаменитого обеда остались одни воспоминания. Солдатские будни приближались к неизбежному дембелю.

Ефрейтору Нелюбину теперь вполне хватало обычного солдатского пайка. За сто дней до приказа он, как и все, свое масло отдавал «салагам». Семейство Нелюбина к этому времени ждало пополнение десятым ребенком.

У читателя, наверное, на языке так и вертится вопрос:

— Неужели Нелюбин все съел в тот обед?

Хочу вас разочаровать. Нет, не все он съел. Не мог он все съесть. Недоеденными остались... два с половиной стакана компота...

Анна Барсова
(г. Екатеринбург)

Анна Барсова (литературный псевдоним Анны Барсемян) поэт, публицист, переводчик, обладатель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (М. 2009), премии имени А. С. Грибоедова (М. 2010) и ряда других федеральных наград.

А. Барсова родилась в городе Харькове. По образованию — филолог, культуролог. Много лет А. Барсова трудилась на КАМАЗе в Набережных Челнах, в сфере культуры и образования. Стояла у истоков создания детских и молодежных творческих коллективов объединения «КАМАЗ». Позже преподавала в филиале Московского университета культуры и искусств и государственной школе театрального искусства, вела встречи в литературной гостиной и возглавляла региональное творческое объединение «Муза».

А. Барсова — автор четырнадцати книг стихов, баллад, поэм: «Река времени» (1994), «Голубой огонь» (1996), «Рубеж» (1998), «Время и пепел» (2003), «И день, и ночь...» (2002), «Очарованная странница» (2003), «Биение сердца» (2005), «Камская тетрадь» (2007, 2009), «Звезды над Араратом» (2008), «Обласканная солнцем» (2009) и др. Основные темы стихотворений, баллад, поэм: раздумья о судьбах России в переломную эпоху, о жизни и смерти, любви, верности и дружбе, единстве человека, природы и мироздания, традициях русской классической поэзии. В настоящее время проживает в Екатеринбурге.

Солнечный зайчик скользнул по стенам больничной палаты, задержался у розетки, потом медленно поплыл по потолку, мягко опустился на кровать, пробежал по одеялу, прикоснулся к щеке и глазам лежащей в кровати женщины. Стало тепло и приятно, будто солнечные лучики хотели сказать: «Просыпайся, открой глаза, просыпайся!..»

Лена приоткрыла глаза и увидела белый потолок, освещенный люминесцентной лампой, зеленоватые стены, высокого худощавого мужчину в очках и крупную женщину с накрашенными губами.

«Где я? — подумала она.— Это же не моя комната! Где овальная люстра, бордюр на обоях, туалетный столик, шторы с розочками?! Где мои дети, Маша и Дима? Где Саша? Может, на работе!»

— Доктор,— она открыла глаза и пришла в себя,— слышался мягкий женский голос.

— Да! Так и должно было случиться,— ответил мужчина, слегка картавя.— Если больной хочет жить, то организм будет бороться. А потом — удачная операция и хорошие лекарства. Пациентка молода, все должно подействовать! Надо будет, Валечка, повторить укол, и тогда, я думаю, мы вырвем ее с того света. А так, ей место там. После такого падения и сложнейшая операция могла не спасти. Последнюю

фразу мужчина произнес тихо, будто опасаясь чего-то. Послышались шаги, и дверь захлопнулась.

«Ушел,— подумала Лена.— Теперь ясно: я нахожусь в больнице, состояние у меня плохое, даже очень, но есть надежда, пусть крохотная, маленькая, как этот солнечный зайчик, греющий мне лицо. А совсем недавно было что-то темное, похожее на длинную галерею или коридор, по которому шла и бежала куда-то».

И еще — там холодные, влажные стены и полы, скользкие, противные. И воздуха нет. Вообще-то он есть, но им дышать нельзя.

Это воздух sklepa и тлена. Воздух, омерзительный и затхлый, за которым — смерть, смерть!

И больше — ни-че-го! А здесь — солнце! Да, да,— солнце и солнечный зайчик!

Сейчас он здесь, на глазах и ресницах...

Такой нежный, ласковый, живой! Живой! Живой! И я тоже жи-вая! Жи-вая! Как тогда, давным-давно в детстве, после страшного случая на реке Ломик. Слезы потекли по щекам Лены. Было больно и приятно. Воспоминания, словно бутон цветка, распускались перед ней и рисовали милые сердцу картины.

Жили они дружной семьей в леспромхозе, который тоже назывался Ломик, как и река в Кировской области. Народу в поселке было много. Своя школа, столовая, магазины, пекарня. Добротный дом для Лены, ее братьев и сестер, а их было пятеро, построил отец, отвоевавший на фронтах Великой Отечественной. Устроился он на лесоповал, хорошо зарабатывал и строил дом. Мимо дома постоянно проносились машины, вышагивали трактора, комбайны, скрипя, проезжали телеги.

Белый песок, покрывавший все вокруг, заменял собой привычную почву. Он, как утверждали ученые, остался еще с ледникового периода. Песок взмывал вверх и разлетался серебряным дождем по сторонам, покрывая все вокруг: крыши домов, поля, огороды, машины. Он хрустел на зубах, пощипывал глаза, попадал в пищу, оседал на одежде и мебели. Но после дождя — красота: песок впитывал влагу, не было грязи, а только мягкие чистые белые дорожки. Бегай, играй в свое удовольствие!

Тот случай произошел весной,— вспоминала Лена. Был ледоход. Река, набухая, ломала лед, и льдины, взгромоздившись одна на другую и приняв причудливые формы, неслись по реке.

Среди них были большие и важные, маленькие, слегка выглядывавшие из воды, и крохотные, едва заметные, похожие на снежки. Все это несло по реке, гудело, шумело, трещало... Весна, весна!

Наступило самое время охотиться за бочками с огурцами. Огурцы хранились под льдом, благодаря трудам поваров леспромхозовской столовой, которые осенью солили их, а когда река начинала замерзать, опускали бочки в воду у берега.

Бочки вскрывали по мере надобности, чтобы разнообразить меню лесорубов и жителей поселка, но к весне в реке еще кое-что оставалось. И вот — лед тает, река бурлит, ломает оставшиеся бочки и несет их за собой. Плынут они по реке, но туда не полезешь. Пойдешь на дно и утонешь! Другое дело, если бочка рядом с берегом.

И я, десятилетняя, худющая девчонка с огромными карими глазами, решила на это. Со мной был проворный семиклассник Витек. В руках у нас — длинные палки, к ним привязали вилки. Так легче вытаскивать огурцы.

И вот — льдина рядом с берегом, большая, надежная, крепкая. И тащит она за собой бочку. Крышка у бочки вылетела, но бочка цела. Ох, сколько огурчиков! И все, конечно, хрустящие, пряные, нежные и вкусные, вкусные!

«Что же потом я сделала?» — вспоминала Лена. Ах, да! Ступила на эту большую, как мне казалось, крепкую льдину, а рукой, держащей палку с вилкой, потянулась к огурцам. Но льдина внезапно затрещала, захрустела и стала крошиться на маленькие

кусочки, которые уходили под воду. Тут я и оказалась в воде. Страшно! Холодно! Тяжелая одежда тащит на дно, руки и ноги цепенеют, немеют, не слушают. Понимаешь, что все — тонешь! Выкарабкаться невозможно. Закричала: «Витек, Витек!» Кто же помог тогда?

А помог дядя Коля, одноглазый, хромой леспромхозовский конюх, случайно оказавшийся неподалеку. Витек так орал, что он прибежал сразу, лег на край берега, вытянул руку и вытащил меня, бессильно барахтающуюся в воде.

Потом они отвели меня к бабушке. До отцовского дома идти было далеко, стала бы сосулькой. Да и бабушка умела все: и человека вылечить, и трактор починить, и стрелять из ружья.

Бабушка, увидев меня, всплеснула руками и закричала: «Как это тебя угораздило, зачем полезла в воду?! Быстро сняла мокрую одежду, протерла и — в постель. Завернув в одеяла, давай обкладывать грелками, бутылками с горячей водой.

Отец и мать, узнав о случившемся, прибежали сразу. Думали, везти в больницу, в райцентр, но бабушка отговорила: «Температуры нет, да и воды не наглоталась. Пусть у меня отогревается, думаю, воспаления не будет». Поила она отварами трав, чаем с малиной, медом, грела избу и все время молилась.

Лена так и запомнила ее: полную, красивую с черными вьющимися волосами, в которых мелькали серебряные ниточки седины. И голос у нее был особенный: уверенный и властный. Звали бабушку Васса. Васса Петровна. И было в этом имени что-то сильное, крепкое, нерушимое. Лена верила, бабушка вылечит.

Отец и мать помогали, кормили скотину, носили воду. Вечерами сидели рядом, читали сказки. Лена слушала, дремала и мечтала о теплом лете, ромашковом поле...

А фельдшера в леспромхозе в те дни не было, уехал в райцентр по делам.

Через два дня Лена пошла на поправку. Тепло было у бабушки в горнице. На улице — робкое солнышко, прохладно, слякоть, а у нее — как в раю! Солнца много.

— Без солнца, — никак нельзя, — говорила бабушка, показывая рукой на большое зеркало. Посмотри, как оно отражает солнце, сколько солнечных зайчиков в комнате! Зеркало действительно отражало солнечные зайчики, они скользили по всей горнице, останавливались на лице, грели щеки, ресницы, казалось, говорили: «Вставай, вставай!» Становилось тепло и хорошо. Хотелось жить и радоваться!

«Вот и теперь — я вылечусь, встану и вернусь домой, — подумала Лена. — Забудется эта нелепая ссора с мужем». Сидела я тогда на мокром от дождя подоконнике и спорила с Сашей. Наверно, не удержалась. Кричала, редела, потеряла равновесие и упала. Обидела его зря... Да и он тоже виноват! С работой у него не ладится, денег не хватает, выкручивайся, как можешь! Без конца меняет работу: то ему не нравится, то мало платят, то не ладит с начальством. Вспыльчивый он, — подумала Лена, — не умеет найти подход к людям. А детей надо кормить, одевать! Вот опять на новое место устраивается! Но главное сейчас — выздороветь, встать, а потом — дети пойдут в детсад, а я на — работу.

Дверь скрипнула, вошла медсестра. Она сделала укол и вышла, плотно прикрыв дверь.

«Ну, теперь все хорошо, пусть спит. Наверно ее, вытащат с того света, — подумала медсестра. — По частям собирали. Дура настоящая, не поладила с мужиком и — с окна. А он третьи сутки места себе не находит. И чего это бабам не хватает? Красивая, молодая! Семья есть, дети, муж! И живет, видно, не бедно. Мужик, какие передачи носит!»

Вот и сейчас она заметила знакомый силуэт в вестибюле и решила поговорить.

Мужчина, лет тридцати пяти, слегка сутулый и полноватый, встал и пошел к ней навстречу.

— Вам же сказали: будет жить, идите домой.

— Нет, я лучше подожду.

— Чего тут ждать? Ей долго лежать. Будете передачи носить.

— Я буду жить с детьми у своих родственников, квартира — в доме напротив. Если что, звоните по этому телефону,— сказал он и протянул бумажку.— Всего доброго!

— До свидания!

Через две недели Лена смогла встать. Она попросила у медсестры расческу и зеркало, поправила свои черные вьющиеся волосы и попыталась пройти по палате. Медсестра поддерживала ее. Потом, медленно переставляя ноги и прихрамывая, Лена подошла к окну.

В окне соседнего дома она вдруг увидела знакомое лицо. Муж.

— Саша! — крикнула Лена.

Он помахал ей, улыбнулся, потом что-то взял в руку, и яркий солнечный зайчик скользнул по ее бледному лицу...

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

КОМПЕНСАЦИЯ

Федор Михайлович Ошевнев — выпускник Московского Литературного института им. А. М. Горького (1990 г.). Двадцать пять календарных лет отдал госслужбе: в армии и милиции. В центральной прессе дебютировал повестью «Да минует вас чаша сия» на тему афганской войны («Литературная учеба», № 4, 1989). Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Жеглов, Шаранов и К°», «Подъем» (Воронеж), «Южная Звезда» (Ставрополь), «Петровский мост» (Липецк). Автор шести книг: двух сборников очерков о сотрудниках Донской милиции, побывавших в «горячих точках», и четырех сборников рассказов и повестей на армейскую и милицмейскую тематики. Награжден медалями «За ратную доблесть», «За отличие в охране общественного порядка» и другими. Майор внутренней службы в отставке. Живет в г. Ростове-на-Дону.

— Уважаемые пассажиры! Скорый поезд номер тридцать пять, сообщением Санкт-Петербург—Адлер, опаздывает на один час,— женским голосом, искаженным до мужского, пробубнили динамики в зале ожидания вокзала города Н-ва.

«Вот тебе и здрасьте... Советский Союз глазами незарубежных гостей,— пасмурно подумал один из встречающих выбившийся из графика состав — майор милиции в отставке Андрей Кузнецов.— Время течет, а черта лысого, что в Рассеи меняется. И даже в период недоразвитого капитализма. Противно. И неудобно...»

Андрей лениво потянулся, ерзнул туда-сюда на жестком вокзальном кресле. Они в зале ожидания размещались спинка к спинке, сдвоенными рядами. Тут со следующего из них, отделенного от Кузнецова свободным проходом, неспешно поднялся приземистый мужчина в милицмейской форме, прежде угнездившийся спиной к отставному майору. Накинул на лысеющую голову фуражку-аэродром и с достоинством направился к платному туалету.

«Полкан,— автоматически отметил Андрей три крупных вышитых звезды на серо-голубом рубашечном погоне с двумя красными просветами и такого же цвета окантовкой.— Постой-постой... Где-то я уже наблюдал столь характерное движение ягодиц... Да уж не Милка ли это? Хм... Похож... Разъевшийся только. И допрежь плешинкой не светил».

Любопытство, известно, не порок. Потому Кузнецов болезненно-заинтересованно поджидал возвращения старшего офицера из места, куда «не зарастет народная тропа». Лет-то ведь достаточно минуло, немудрено было и ошибиться. Но взглядевшись вторично в дефилировавшего по залу полковника с явственно обозначившимся пузцом, убедился: да, это точно он. Старый знакомый из погонного прошлого. Милка. Игорь Юрьевич Мильченко. Недолговременный начальник Андрея, на тот момент

исполнявшего внештатную должность пресс-секретаря начальника Управления внутренних дел города Н-ва...

...Майор милиции Мильченко той памятной осенью девяносто девятого был переведен в городское УВД из областного, где раньше служил зональным инспектором отдела комплектования в управлении кадров. Возвысили его сразу до заместителя зам. начальника УВД по кадрам. А прозвище, как это нередко бывает, перекочевало на новое место следом за новоиспеченным «двойным замом»: информация в милицейской среде распространяется оперативно. Само же выдвижение аккурат совпало с тем тревожным временем, когда в Москве и Волгодонске внезапно прогремели взрывы жилых домов, и напуганные возможным продолжением серии терактов россияне по всей стране ночами в очередь дежурили у подъездов многоэтажек, на разные лады кляня беспомощность властей. Предшественник Милки, подполковник милиции в отставке Веревко, тогда, при случайной встрече на улице с Кузнецовым, откровенно себе порадовался:

— Соображаешь, как я вовремя успел «дембельнуться»? Теперь спокойно блаженствую, да через трое суток на четвертые сторожую, чтоб жена сильно варезку не открывала...

— Зато у нас скоро месяц, как усиленный вариант несения службы (двенадцати-часовой рабочий день) объявили, а уж про выходные вообще наглухо забыть пришлось,— с кислой миной отвечивал пресс-секретарь.

— Запомни! — продолжал поучительно втолковывать Веревко.— Если тебе кто-нибудь скажет, что на пенсии хорошо — плюнь тому в глаза! На пенсии — очень хорошо! Особенно же — постфактум тридцати трех лет календарной выслуги!

Андрей хмуро согласился и поспешил на очередную радиостудию...

После совершения терактов на пресс-секретаря, дополнительно, взвалили организацию ежедневных мини-интервью с начальником УВД на радиокomпаниях: двух областных и двух городского масштаба. На практике это выглядело так.

В установленное время Кузнецов предвзвешенно связывался с той или иной студией, определяясь с ее руководством по перечню свежих «противотерактивных» вопросов. (Отдельные, случалось, граничили со здравым смыслом. Скажем: а правда ли, что патрульным вменили в обязанность рыться в каждой уличной урне, поскольку именно в одну из них, по устойчивым слухам, злоумышленники готовят подбросить очередное взрывное устройство?) Затем он тезисно сообщал, о чем нынче полковник милиции, в свою очередь, хотел бы проинформировать горожан. Знакомил последнего с тематикой сегодняшнего перечня. И, наконец, телефонно состыковывал начальника УВД с ведущим радиостудии.

Подобные передачи в прямом эфире, как правило, не превышали пяти минут. Впрочем, однажды полковник соловьем разливался о превентивных мерах и заслонах на пути террористов всех мастей чуть ли не четверть часа. Самое прискорбное, что Андрей в тот же день обязан был объехать разбросанные по городу радиокomпании, собрать записи всех прозвучавших интервью и распечатать их на компьютере. Готовые тексты подшивались в специальную папку, которая назавтра, поутру, представлялась начальнику УВД для визирования его вчерашнего устного творчества.

Таким образом, рейтинг главного милиционера города заметно рос. Да и папочку с выступлениями не грех было любой комиссии торжественно предъявить: вот, мол, в каком тесном контакте с жителями мы в особый период вкальваем. Великое дело — самореклама! В милиции — особенно.

В зависимости от разговорчивости полковника, Кузнецову в те суматошные дни приходилось набирать с магнитофонной кассеты от семи до двенадцати страниц текста на стандартных листах. И это — не считая подготовки всякого рода поздравлений

и приветственных адресов (жизнь-то шла своим чередом), докладов для руководства и положительных милицейских материалов для местной прессы. Впрочем, объем подготовленных Андреем газетных статей и корреспонденций по вполне понятным причинам в последний месяц несколько уменьшился. Чем весьма и весьма был недоволен курировавший работу пресс-секретаря заместитель начальника УВД по кадрам подполковник милиции Степан Григорьевич Крикуленко. Недовольство выливалось вот в такие наступательно-оборонительные диалоги:

— У нас сейчас рабочий день на четыре часа увеличен, да прибавь субботу-воскресенье, значит — что? Значит, ты с повышенной отдачей на своем участке трудиться обязан! — наскакивал Степан Григорьевич. — А на деле? Где каскад аналитических статей? Где серия очерков о передовых сотрудниках, в свете их плодотворной противотеррактивной деятельности? Что ты меня все мелочевкой кормишь: «там раскрыли» да «здесь задержали»? Спишь целыми днями?

— Ага, конечно! — огрызнулся пресс-секретарь. — Кровать уже в кабинет занес! Да эта беготня по студиям и долбежка-перепечатка... столько времени коту под хвост! Лучше б посодержали, чтоб мне какой транспорт для объезда выделяли. А то домой не раньше полуночи, и всякий раз на маршрутке.

— Дешевые отговорки! — не соглашался подполковник. — Ответственного момента недопонимаешь! Мы все сейчас на усиленном варианте! И вообще: не успеваешь до полуночи — так есть еще длинные лунные ночи! А насчет машины — до скольких раз объяснять: нет возможности для тебя отдельный автомобиль под парами держать — весь транспорт сейчас на антитеррор работает! Давно бы вон, с гоночаров, бэушный «жигуль» купил и катал на здоровье...

— С них разве пару новых трусов приобретешь. Опять же и бензин... Теперь о путном очерке или сносной аналитической статье... Для них сначала надо недельку материал собирать-отбирать, а потом писать садиться на свежую голову, ничем не отвлекаясь. У меня же, помимо этого радиоспринта, каждый день то поздравление внеплановое, то срочный ответ на жалобу, которую еще проверять надо...

— А ты как хотел? — искренне удивлялся начальник. — Кому сейчас легко? — и упорствовал: — Приказываю: уплотнить график работы и чтоб через три дня на-гора очерк про кого-то из уголовного розыска!

— Пока не выйдет! — уперся тогда пресс-секретарь. — И так на последнем издыхании, ровно двигатель на подъеме и на полном газу... Выходной хотя бы один! Месяц ведь скоро хуже белки в колесе. Сами-то за это время дважды...

— Но-но! Поговори мне еще! — резко окоротил Андрея Крикуленко. И, воздев к потолку указательный палец, с пафосом изрек: — Запомни! Тебя заменить нечем! И гордись — руководство доверяет! — Палец переместился, почти уткнувшись ершистому подчиненному в грудь. — Стало быть, внутренне соберись, стисни зубы — и с «Интернационалом» вперед! Вот, — пристукнула начальственная длань по столу, — закончится особый период — тогда и, — взмах ладонью и указка в сторону двери, — гуляй не хочу — на толстое здоровье...

— Это когда он еще закончится-то? Один Господь знает, да его пути, известно... К слову, о здоровье. Последнее время давление скачет, да и моторчик... — рискнул Кузнецов продолжить дискуссию. — «Колеса» горстями...

— Ты мне тут на жалость не дави! — окончательно взъярился подполковник. — И заруби на ушлом носу: если только на больничный нырнешь... Да я тебя... не знаю что! Самолично! — и продемонстрировал крупные кулачищи. — Иди, работай! Учти: очерк я с тебя не снимаю!..

«Черта лысого тебе по всей морде, а не очерк», — подумал, уже выходя от Крикуленко, Андрей, но тут его возвратили «на ковер».

— Да, кстати... Завтра на утреннем совещании моего нового зама представлять будут. Человек из кадрового аппарата ГУВД, а это при любой проверке-комиссии отсюда — лишний плюс...

...Характерно, что одновременно с назначением на должность Мильченко тем же приказом было присвоено очередное специальное звание — подполковника милиции — и тут же, принародно, вручена пара новых погон.

После общего совещания руководства Управления Крикуленко собрал зональных инспекторов кадрового аппарата УВД города, инспектора-психолога и Кузнецова в своем рабочем кабинете и вторично представил, теперь уже своим непосредственным подчиненным, подполковника милиции, но пока — казуистично — с майорскими погонами на плечах.

— Распоряжения Игоря Юрьевича выполнять, как и мои, беспрекословно. В мое отсутствие по всем вопросам обращаться к нему. Тем более, сегодня я ответственный по УВД и после обеда райотделы проверять убуду. Все ясно?

О начале ежедневного рейда по радиокомпаниям пресс-секретарь обычно докладывал Крикуленко по телефону или лично, а коль того не оказывалось на месте, предупреждал секретаря отдела кадров. Но сегодня, убедившись, что кабинет Степана Григорьевича заперт, решил отпрапортовать его новому заму.

Мильченко принял его уже в погонах подполковника.

— Убывай, без проблем,— разрешил он выход.— Вернешься примерно когда?.. Как то есть минимум часа через два? А почему так долго? Ах, без машины... Ну, ладно. Впрочем... В районе военного универмага случайно не будешь? Жаль... Может, все-таки сумеешь заскочить? Мне тут кучу погон еще надо — и на китель, и на куртку, и на бушлат, да и рубашечных пару-другую на смену... Купи, а я потом, сколько будет стоить, компенсирую...

— Извините, но это никак не входит в мои служебные обязанности,— удивившись этакой бесцеремонности с места в карьер, также без обиняков отказался Андрей. Совершенно не к делу вдруг подумалось: «Не похоже, чтобы новый начальник щеки брил. Вообще лицо нежное, девчачье. Потому и Милкой прозвали? Или все же от фамилии?» Помедлил, добавил: — И общаться хотелось бы в дальнейшем все же на «вы»...

— Зря так сразу в бутылку,— обиженно-сожалеюще произнес Мильченко, на этот раз старательно избегая конкретного обращения к собеседнику.— Просьба пустяшная, а у меня еще дел... Ладно, кого другого сейчас озадачу...

Из кабинета Кузнецов вышел с подпорченным настроением. Пропагандировать лакейские мелкие услуги? Не-ет, подобных традиций в «управе» не водилось. Вот орать, материться, кулаком по столу стучать — это да, этим здесь не удивишь. Как и беспардонным тыканьем младшим. Но такое?

«А ведь и правда, сейчас кого из молодых инспекторов нагнет»,— оформилась мысль. А за ней сравнение: морда поросычья.

Впрочем, за круговертью радиорейда фамилярная просьба быстро забылась, а рабочий день опять затянулся до десяти вечера. На следующее же утро пресс-секретарь узнал, что подполковник Крикуленко, после суточной «ответственности» по УВД удачно взял отгул.

— Всю ночь по райотделам лазил! Недостатков накопал — на целых три листа мелким почерком! — доверительно сообщил старший оперативный дежурный.

— Знаешь, было бы желание,— горько-иронично прокомментировал Андрей.— А уж в нашей конторе ежели сверху рывкнут: «Фас!»,— так на низах кого угодно любому порвут.

— Ото ж,— вздохнув, согласился собеседник.— Как ни тужься...

На сей раз, после обеда, Кузнецов о своем уходе на радиостанции Мильченко докладывать не стал: решил лишь поставить в известность секретаря ОК. Без проблем собрал и привез магнитофонные записи, прослушал... Уже к вечеру, в самый разгар процесса каждодневной перепечатки, в кабинет заскочил один из инспекторов-лейтенантов.

— Быстро! Мильченко всех у себя собирает!

Ничего не попишешь, пришлось выключить компьютер...

— Почему меня лично не предупредили, что в город убываете? — начал двойной зам совещание с разноса пресс-секретаря. — А если бы начальник УВД вас потребовал, а я ситуацией не владею? Служебная дисциплина для всех святое! Эхх! А еще старший офицер!

— Начальник УВД в курсе моих ежедневных радиоскитаний, — пояснил Андрей, увы, сознавая шаткость своей позиции: подполковника предупредить бы следовало. Ладно, будем теперь знать, что он такой... пендитный.

— И с какой это стати товарищ майор считает, что ему на совещание к вышестоящему руководителю можно появляться в гражданской одежде? Милицейской формы стесняетесь? — продолжился «воспитательный процесс».

— Мне Крикуленко разрешил. Без официоза работать проще, люди на контакт легче идут. Я вообще форму только на строевые смотры надеваю...

— Неправильно это! — отрезал подполковник. — Вы — офицер отдела кадров, а таковые, по положению о службе в органах внутренних дел, форму носят каждодневно. Чего неясного?

— Извините, но в таком случае вам следует взглянуть на мое служебное удостоверение...

Достав красную «корочку», Кузнецов раскрыл ее и бережно положил на стол перед начальником.

— Зачем оно мне? — не спешил Мильченко брать документ в руки.

— Затем, что в УВД должности пресс-секретаря официально не предусмотрено, посему и числюсь я — по бумагам — инспектором уголовного розыска. Вам известно, что сотрудники криминальной милиции форму, чтоб ежедневно, не носят? Так же как и офицеры штатной пресс-службы в области. А уж обязанности мои весьма специфичны и далеки от обязанностей зональных.

Двойной зам нехотя заглянул в «корочку», захлопнул ее и небрежно шлепнул на край столешницы. Поразмышлял секунду... Принял решение.

— Товарищ майор! Встаньте! — повелительно начал он. Когда же Андрей вскочил со стула, подполковник милиции, откинувшись на спинку кресла, развил мысль: — Вы слишком много разговариваете! Меня не интересует, в каком виде вы будете посещать кабинеты других руководителей — это их проблемы! Но ко мне извольте прибывать только и только в форме! Приказ понятен?

— Так точно! — отчеканил Кузнецов, решив больше не накалять обстановку: выйдет завтра Крикуленко — разберемся...

— Садитесь! На будущее советую себя вести поскромнее!

Затем Игорь Юрьевич крепко переключился на зональных инспекторов:

— Ряд личных дел недооформлен — я выборочно проверил... Штатные книги в ужасающем состоянии! Кабинеты по окончании рабочего дня не опечатываются, таблички на дверях отсутствуют, внутри окна немые, вообще пыль, грязь, бардак! В сейфах — посторонние предметы! А по телефонам — посторонние разговоры! Нет, товарищи офицеры, так у нас с вами служба не пойдет! С завтрашнего дня начну наказывать! — и т. д., и т. п.

«Круто гайки заворачиваешь, — кисло усмехался про себя Андрей. — Ладно, для

гавканья особого ума не треба. Поживем — увидим... Да когда ж он уgomонится-то? — И украдкой взглянул на наручные часы.— Ого! Полчаса уж распинается, а мне ведь три выступления еще... Так скоро и действительно, раскладушку в кабинет...»

Войдя в раж, Мильченко душевно распек инспектора-психолога за «слабую индивидуально-воспитательную работу с личным составом гарнизона, существующую лишь на бумаге и содержащую огромную долю формализма» и, наконец, перешел к финальной фазе совещания:

— А сейчас всем зональным немедленно созвониться с замами по кадрам подчиненных подразделений и собрать сведения о состоянии служебной дисциплины на сегодняшний день: по службам и видам нарушений. Через тридцать минут заходите ко мне вновь, и итожим данные. Что неясного?

— Товарищ подполковник, а Касик сегодня в наряде — кто за него сведения-то за Свердловский райотдел соберет? — был задан робкий вопрос.

— А вот — Андрей Михайлович и подсуетится,— лихо, без раздумий, кивнул начальник в сторону Кузнецова.— Кстати, ничего сложного в этом нет...

— Охотно верю. Только у меня своя задача срочная,— не согласился прессекретарь.— Давайте все же разграничивать служебные обязанности...

— Товарищ майор! — с криком взлетел Мильченко из кресла.— Встать! Смирно! Сию секунду прекратить пререкания! Я вас накажу! По всей строгости! Выполняйте приказ! Потом можете обжаловать — хоть сто порций! Все свободны!

Следующие полчаса Кузнецов сидел за компьютером, с грехом пополам продолжая перепечатку. На сбор райотдельских сведений он, после недолгого размышления, так-таки решил наплевать. «Делай свое дело и пусть будет, что будет!» — этот девиз областного ОМОНа как нельзя лучше подходил к сегодняшней ситуации. Куда сильнее мучила тупая пульсирующая боль в затылке, возникшая сразу после завершения эмоционального совещания.

Андрей прекрасно понимал: это опять «проснулась» прогрессирующая гипертония. Нет, лишнего веса, способствующего развитию типичной для россиян в возрасте болезни, майор к своим тридцати семи годам не набрал. Зато, во-первых, повышенным давлением страдали оба его родителя (наследственное предрасположение), а во-вторых, нервишки после двух десятилетий смешанной службы — армейской плюс милицейской — заметно пошаливали. Ведь любую нештатную ситуацию он воспринимал как краеугольную и еще курсантом слыл непримиримым борцом за справедливость.

— На хрена же душе лишние треволнения? Здоровье для пенсионера сберечь надо! — когда-то убеждал молодого лейтенанта многомудрый капитан со стажем Старченков, за глаза именуемый Хренофилософом.— Ведь если и по двадцать пять часов в сутки пахать — один хрен, всех указующих не ублажишь. Так что привыкай: «руководящий» мат и обвинения в безделье столь же неотъемлемы от армейской повседневности, как и принцип единоначалия. Заметь: при наличии кучи тянущих в разные стороны начальников. Вот и служишь ты, к примеру, не хуже других, а попади какому большезвездному шлея под хвост и ты под горячую руку... Глядь — и назначили виновным да обложили ни за хрен собачий на тринадцать этажей. Но ведь не тринадцатой же зарплаты лишили! «Есть!», «Так точно!», «Исправлюсь!» Упаси спорить, оправдываться — себе куда дороже выйдет! Конечно, иной хрен, ежели тебя за чужую вину станут под статью подводить... А в непринципиальном вопросе пушай дурак-начальник воображает себя принципиальным умнягой — тебя от того не убудет...

Увы: не внял Андрей в последующей службе «толстокожим» советам. Напротив: частенько по жизни, коль уж считал себя правым, бескомпромиссно шел на взрывные конфликты. Хотя и с менее чем переменным неуспехом... А нервные клетки теря-

лись. От того и мучился ныне офицер головными болями, которые поначалу затихали после приемов таблеток энама вкупе с верапамилом. В последний же, «усиленный» месяц чувствовал себя вовсе прескверно: к раскалывающим затылок укоренившимся болям добавились тошнота, потливость, одышка при беготне по этажам «управы»... Организм явно не успевал восстанавливать силы за пять-шесть часов сна — впрочем, продолжая работать на износ: а куда было деваться?

В УВД в те дни саркастически шутили, что-де нынче все сотрудники вынужденно трудятся в режиме ошпаренной кошки, но именно пресс-секретарю приходилось тяжелее многих. А попробуйте-ка, подготовьте для начальника нестандартные ответы на нестандартные вопросы теле- и радиоведущих, в то время как внутри черепной коробки поднимается девятый вал. Или забойную статью на криминальную тему для газеты спроворьте — и только по результатам краткой телефонной беседы с райотдельцами...

...Меж тем, выделенное Мильченко для сбора «дисциплинарной» информации время истекло и Кузнецов с тяжелым сердцем зашагал в кабинет подполковника милиции...

Едва услышав, что его распоряжение проигнорировано, двойной зам шарахнул кулаком по столу:

— ...твою мать! Да за невыполнение приказа... Ты, может, в народное хозяйство захотел? А то я быстро путевку на дембель выпишу! По негативу!

— Вы мою мать не трожьте! — невольно подался Андрей вперед на стуле. — Она уже в мире ином, и нечего ее память опошлять! Немедленно извинитесь! И тыкать не смейте, я вас уже предупреждал! По тому же положению о службе в органах, все сотрудники обязаны обращаться друг к другу только на «вы»!

На несколько секунд в просторном кабинете воцарилась настороженная тишина, и в ней все присутствующие отчетливо слышали, как кто-то тяжело протопал мимо слегка приоткрытой двери, по коридору.

— Майор Кузнецов — выйдите! — разлепил, наконец, полоску сжатых губ Мильченко. Короткая фраза была произнесена с отграничением как бы выплевываемых слов. Лицо подполковника милиции больше не казалось женственным, в хищном оскале приоткрытого рта проглянула глухая враждебность. Она же отчетливо читалась в испепеляющем строптивного подчиненного упертом взгляде, застыла на крыльях раздувающегося носа, оттопыренной нижней губе и выдвинувшемся подбородке.

Андрей медленно поднялся.

— Вопрос об извинении я не снимаю. А по поводу путевки на дембель — это завтра обсудим... в другом кабинете...

Больше в тот вечер пресс-секретарь на компьютере не работал. Зато от руки написал рапорт на имя начальника УВД, где скупно изложил суть своих претензий к подполковнику Мильченко — начиная с его просьбы о покупке погон. В конце документа подчеркнул, что озвученная угроза увольнения вызвала у него, Кузнецова, на нервной почве, настолько сильный приступ головной боли, что закончить распечатку он был физически не в состоянии.

И это было голой, чистой, абсолютной правдой.

Спрятав рапорт в сейф, Кузнецов уточнил время: двадцать пятнадцать.

И вот тогда офицер, впервые за весь последний месяц, рискнул уехать со службы раньше обычного и с чувством неисполненного служебного долга...

— Что, неужели твой «усиленный» наконец-то на убыль пошел? — несказанно удивилась дома супруга Андрея.

— Черта лысого! — разрушил хрупкие надежды муж. И поморщился. — Просто башка пополам раскалывается — вот и свалил пораньше. А все тот козел, которого на место Верево в начальники прислали... В общем, неизвестно, чем еще все завтра обернется.

— Опять поскандалить расстарался? — насторожилась слабая половина, достаточно изучившая сильную за четырнадцать совместно прожитых лет.

— И не старался вовсе... — хмуро отвечивал Кузнецов, снова поморщившись. — Ладно, проехали...

— Ну-ну, — уже с сарказмом отозвалась жена. — Иди хоть тогда, с сыном пообщайся, а то скоро только по фотографиям узнавать и будет. А я пока твою любимую жареную картошку подогрею...

Впервые за тот суматошный месяц Андрей хорошо выспался, «придавив» подушку на целых восемь часов. Однако все хорошее имеет обыкновение быстро заканчиваться...

Утром следующего дня пресс-секретарь узнал, что подполковник Крикуленко внезапно приболел. Прямо скажем, нерадостное известие...

— Да как ты только посмел домой уйти? — вскричал начальник УВД, едва услышал про неоконченные распечатки. — Взыскания захотелось?

— Чего там — взыскание, когда меня вчера почти что уволили, — скорбно произнес Кузнецов. — Я вот тут, тезисно, изложил... — И протянул вчерашний рапорт, скромно ожидая, пока полковник милиции, нацепив очки, ознакомится... да, по сути, с жалобой.

— Ну и?.. — хмыкнув и отложив два листа на скрепке, поинтересовался тот. — Чего, собственно, хочешь?

— Немногого. Я понимаю, что помогать мне новый начальник вряд ли будет. Так пусть хотя б не мешает! На свои совещания не дергает, заданиями кадровыми не грузит... К форме прицепился, вернее, что без нее работаю. Ему-то какая половая разница? Ну и за языком чтоб следил.

— Что ты так близко к сердцу рабочие моменты принимаешь! — попенял полковник. — Глупо! Подумаешь, матюкнулся кто-то для связки слов... А за остальное — переговорю. Но чтоб завтра распечатки за оба дня как штык! Иди, начинай обзвон радио... Стоп-стоп, чуть не забыл! Срочно приветственный адрес в стихах подготовишь — нужный нам человек, держи, вот его данные. Ох, и не вовремя Крикуленко из обоймы выпал — обязательно чего упустите...

Но как раз с этим — по крайней мере, в отношении своей персоны — пресс-секретарь не был согласен категорически. Все три последующих дня он трудился почти в автономном режиме, лишь дважды в сутки, докладываясь начальнику УВД (кстати, известившему Кузнецова, что его начальнику даны «необходимые указания»), а перед убытием в город и по возвращении в родные стены извещал о своих перемещениях секретаря ОК. С Мильченко же только коротко здоровался, случись встретиться в коридоре, и наблюдая сухой кивок.

Однако наутро дня четвертого в кабинете Андрея возник капитан Подгорнов, курирующий линию боевой и физической подготовки плюс следящий за соблюдением исполнением графика нарядов кадровиков.

— Ты помнишь, что сегодня дежуришь по личному составу? — деловито осведомился он.

— М-м-м... А ведь и правда, — нехотя признал Кузнецов. — Слушай, а как же быть, если ночью вдруг ЧП и мне «служебку» готовить придется? Вы-то — к утру отписались и при любом режиме на боковую. А я сейчас каждый день, и даже по воскресеньям, на радиопередачах завязан. Стало быть, потом никуда уйти не смогу...

— Не мои проблемы, — сразу отбоярился Подгорнов. — В графике есть? Есть... Расписывался? Гляди, вот твоя министерская...

— Да ведь это еще без учета усиленного варианта составлялось, — запротестовал было пресс-секретарь.

— Ничего не знаю. За тебя пахать никто не собирается — и так всего раз в месяц в наряд ставят.

— Блин... Придется к Мильченко идти,— в раздумье произнес Андрей.

— Ха! Не советую,— предупредил Подгорнов.— Во-первых, он тебе после позавчерашнего точно навстречу не пойдет. А во-вторых, каждый смотрит в свой тазик, и если даже кого будут за тебя нагинать — всякий рогом упрется!

— Ага, конечно. А двое суток подряд, да без сна, да при сегодняшней нагрузке?

— Кому сейчас легко? — философски процитировал капитан одно из любимых изречений подполковника Крикуленко.— И вообще: что ты, раньше времени, волну гонишь? Глядишь, ничего за все сутки и не разразится: продрыхнешь дома до утра, в благодати...

— Как же! Раз, помнится, за ночь целых четыре происшествия скопом, так после едва не разорвался! С одной стороны, Степан Григорьевич насаждает: живо проблемную статью на стол, и приветственный адрес срочно, и поздравительный приказ давай, а с другой — он же: почему со «служебками» копаешься?

— Это, один черт, все разговоры в пользу бедных,— подытожил Подгорнов дискуссию.— Бывай!

«И все-таки попытка — не пытка,— поразмыслив, решил пресс-секретарь.— Пойду, доложу, а заодно и подстрахуюсь»...— и — на всякий случай — стал переодеваться в милиционерскую форму.

— А-а-а, Андрей Михайлович, заходите! — встретил его Мильченко на словах радостно, но с постной физиономией: видать, накрутил-таки двойному заму хвоста начальник УВД. Руки подполковник майору не подал, присесть не пригласил. Но при общении уже не тыкал.— И что же вас нынче ко мне привело? Вроде все желания исполнены, от коллектива вывеской индивидуальных задач отгородились... Или же я опять в чем-то провинился?

— Ну... Не совсем так,— слегка смутился Кузнецов от неприкрытого ерничанья преобразившегося начальника. Артист, однако!

— А как именно?

— Да я по поводу дежурства по личному составу. Вы же в курсе, что если какое ДТП на личном транспорте случится, суицид или, там, применение-использование оружия, то от кадров служебные расследования проводятся...

— Прописные истины... Кстати, про подложные документы запомнили — в таких ЧП разбираться тоже наш хлеб. Методические указания по организации проведения служебных проверок внимательнее изучать надо.

— Ага, конечно. Но я о другом хотел... Сегодня-то моя очередь заступать, а тут, в связи с усиленным вариантом...

И пресс-секретарь поведал о своей проблеме — нестыковке ежедневной занятости при работе с радиостудиями и большой вероятности ночного расследования.

К немалому удивлению майора милиции, Мильченко услышанное воспринял адекватно.

— Идите и спокойно трудитесь. К вечеру я что-нибудь обязательно по этому вопросу решу...

Все оказалось столь просто? Ну и ладно, поумнел — флаг тебе в руки...

Однако когда Андрей, незадолго до ухода домой (рабочий день прошел на редкость плодотворно и, что самое отрадное, без всяких ЧП), вторично появился в кабинете Игоря Юрьевича, начальник огорошил его вопросом:

— Ну, и кого же я вместо вас додежуривать поставить должен? Может, самому подписаться? Нет уж, давайте-ка разграничивать служебные полномочия. Свои задачи у каждого имеются, и — заверяю — у всех они срочные. Да и потом, днем ведь

ничего не произошло? Так я вам гарантирую: и ночью не случится. Спокойно завершайте свои перепечатки и езжайте к семье.

— Ну а если все же...

— Если бы у бабушки был хрен, она была бы дедушкой! — вдруг перебил майора резко поменявший тон подполковник милиции.— Три дня с вами не общался — все шло прекрасно! А как только явились, снова сплошная головная боль! Да что вы за такой особенный: и трогать не моги! Нет, уж позвольте! Есть закон, есть график, есть ваша подпись! Все! Шабаш!

И размашисто-круговым движением накинул фуражку с высокой тульей на ежик темных волос, давая понять, что разговор окончен.

Покинув кабинет двойного зама и по инерции наблюдая, как начальник следует по коридору, игриво двигая ягодицами, точно рекламирующая себя дамочка легкого поведения, Кузнецов вдруг понял, что Мильченко изначально решил откреститься от подменной проблемы — то ли из вредности, то ли положившись на русское «авось». А возможно, и по обоим причинам вкупе...

Едва Андрей успел принять дома душ и усесться за ужин, осторожно мечтая о койке, как раздался требовательный телефонный звонок.

— Ничего не случится?! Черта лысого! — изливал душу жене офицер, между глотками торопливо допиваемого чая.— Опять дорожно-транспортное! Двое наших участковых на «жигуле-шестерке» подполковнику военному «джип» протаранили! Это ж делов на всю ночь! Степень опьянения в наркологическом диспансере определять, с них самих объяснительные отбирать, а еще первоначальные ГАИшные материалы ксерить — схему ДТП, протоколы... Поди найди среди ночи ксерокс не под замком! Наш-то, кадровый, давно сдох — и на новый картридж денег нема, и какая-то печка у него прогорела! А еще саму «служебку» ваять, так скоро от клавиатуры мозоли на указательных пальцах прохулятся! Ага, уже ломаются! Вот она, где не надо, оперативность! — И пошел открывать дверь милиционеру-водителю...

События и на деле развивались по предсказанному сценарию. Не будем утомлять читателя описанием всех трудностей, преодоленных пресс-секретарем. Информирuем только, что заключение служебного расследования он закончил печатать к семи утра. Все участники столкновения оказались трезвыми, участковые инспектора — свободными от службы после несения суточного наряда и без форменной одежды... Словом, дисциплинарным взысканием тут вовсе не пахло. А вот кто из водителей нарушил ПДД — это должен был позднее определить и документально зафиксировать специальный «ГАИшный» следователь. Хотя тут и невооруженным взглядом было видно, что вояка не учел помехи справа...

Кузнецов отнес три экземпляра готового заключения дежурному — теперь бумаги будут визироваться несколькими руководителями и в финале утверждаться начальником УВД. Можно часок и подремать на жестком стуле...

К восьми утра на службе обозначился подполковник Мильченко. Андрей сразу доложил о ночном ЧП и поинтересовался: кто же сегодня будет работать с радиостудиями?

— Как это «кто»? Вы и будете,— сразу попытался отфутболить его начальник.

— Я уже целые сутки отдежурил и на вторые оставаться не в состоянии. Между прочим, вас вчера дважды предупреждал,— запротестовал пресс-атташе.

— Вы Присягу принимали? Знаете, что сотрудник милиции обязан стойко переносить лишения и тяготы службы? Тем паче — когда по всей стране особый период усиления... и террористы действуют прямо в нашем регионе... Так что сожмите волю в кулак, напрягитесь — и вперед, на рабочее место.

«Крикуленко копирует», — подумал Кузнецов. А вслух сказал:

— Ваш приказ противоречит Закону. Мне после суток отдых по-любому положен. По кодексу о труде.

— Что-что-что? А может, вы еще и в реальной боевой обстановке на этот кодекс ссылаться будете? Мол, вы тут за меня повоюйте пока, а я всласть покемарю...

— Некорректное предположение.

— А вы мне тут, попрошу, без неуместных комментариев! — возвысил голос Мильченко.— Если только капля совести осталась — бегом в свой кабинет!

— А при чем здесь совесть? Дав-ле-ние! Ишачок свалится — кому тележку тащить?

— Не свалитесь — я гарантирую!

— Вы уже вчера нагарантировали...

Игорь Юрьевич медленно поднялся и сузил глаза:

— Я уже отмечал: вы слишком много разговариваете! Так вот: довольно демагогии! Идите и трудитесь, без рассусоливаний!

— Вы приказываете? — уточнил Андрей.

— Да!

— Можно в письменном виде?

— А вам что, моего устного распоряжения недостаточно? Слово подполковника нерушимо! Свободны!

Ох, и тяжело достался тот бесконечный день Кузнецову. Без преувеличения — человек расходовал последние резервы организма. И все же Андрей решил не спешить с докладом о незаконном приказе к начальнику УВД. Из гордости, вероятно? А сам полковник милиции вроде бы и не заметил, что под материалами служебного расследования по факту ночного ДТП стоит подпись пресс-секретаря, и он же сегодня продолжает находиться на своем посту.

К вечеру майор милиции чувствовал себя как никогда прескверно. Однако все неотложные дела, в том числе и очередную порцию перепечаток, он-таки завершил. И — поплелся в «дежурку».

— Слушай, найди какой-нибудь транспорт, а то, боюсь, на полпути до дома ноги протяну,— попросил он старшего оперативного дежурного.

— Да-а,— сочувственно протянул тучный майор.— По виду точно, как с того света выполз... Ладно, сейчас что-нибудь сообразим.

И пресс-атташе домчали с ветерком до родного угла на одной из служебных машин.

Без ужина, едва сумев раздеться, Андрей ничком рухнул на кровать.

А поутру, с разламывающейся от боли головой, еле встал с койки — и его сразу шатнуло. Перед глазами заплясали мушки, на глубоком вздохе кольнуло в сердце. Тошнило... Пока одевался — уже вспотел, а сердце учащенно колотилось.

«Приплыли! — сказал себе офицер.— Теперь — шагом марш в родную ведомственную поликлинику... Дойти бы!»

— Эге, батенька! Да у вас, без сомнения, гипертонический криз,— осмотрев Кузнецова и измерив давление, поставил диагноз пожилой врач-терапевт.— Двести на сто тридцать! А раньше, судя по записям в медкнижке, выше ста пятидесяти на сто не поднималось...

— Дозрел, значит,— грустно усмехнулся Андрей.— И то сказать: месяц на усиленном варианте, да без выходных, да приплюсуйте двое последних суток на службе подряд. Итого — плоховастенько...

— Молодой человек! — наставительно произнес врач.— Если вы сами не будете следить за собственным здоровьем, то уж, будьте покойны, никто из ваших сослуживцев об этом точно не позаботится. Се ля ви... А сейчас — пожалуйте на укольчик,

давление сбивать будем. Света! Сборную соляночку ему — магnezия, папаверин, дибазол... Посидите — и на кардиограмму...

На работе, разумеется, был временно поставлен крест: по прогнозам доктора, пресс-секретарь выпадал из обоймы минимум на неделю.

По пути домой Кузнецов завернул в соседнюю аптеку. На прописанные лекарства ушли и те деньги, что оказались в кармане, и вся записка за обложкой удостоверения личности. Впрочем, на какой-то успокаивающий раствор сложной рецептуры их все одно бы не хватило, но его еще только предстояло готовить провизору. Так что на завтра планировались дополнительные расходы.

Возвратившись в свою квартиру, Андрей первым делом позвонил Крикуленко. Длинные гудки... Тогда он оповестил о своем уходе на больничный лист секретаря отдела кадров, попил чайку, вприкуску с целой горстью таблеток, и с чистой совестью завалился спать...

Как бы не так: минут через пять телефон зазвонил. Требовательно... Кузнецов сначала не хотел брать трубку, но быстро сообразил — так могут и прогул записать, ходи потом доказывай, и даже с больничным листом на руках.

Конечно, на проводе оказался подполковник Мильченко.

— Это что еще за фокусы? — сразу сбившись на «ты», завопил он. — Начальник УВД приказал: привезти тебя живого или мертвого! Вся работа с радио встала! Собирайся, срочно высылаю машину!

— Гипертонический криз,— коротко ответил Андрей. Добавил: — С вашей гарантией...

Положил трубку на рычаг и решительно выдернул телефонный штепсель из розетки. Присланного же за ним на личной автомашине капитана Подгорного не без издевки проинформировал:

— А оно ж таки, как видишь, разразилось... Теперь вот пожинаю... приказа глупого плоды.

— Выглядишь ты, правда, неважнецки,— пробурчал Подгорнов.— Да я-то что... Можешь и не ехать — не мне ж потом отвечать...

— За свой базар всегда...— грустно усмехнулся пресс-секретарь.

Следующим днем, чуть ли не в восемь утра, Кузнецову звонил уже сам подполковник Крикуленко.

— Немедленно прибыть! — бесновался он.— Я тебя сам лечить буду! Слышишь? Я — хороший доктор!

— Не сомневаюсь,— согласился блаженствующий в ничегонеделании Андрей.— Только зачем вас обременять? Больничный у меня имеется, лекарства прописаны, принимаю...

— Я т-те покажу! Бездельник! Уволю!

— За что? За то, что ваш зам двое суток кряду на разрыв аорты пахать заставлял? Я ж его предупреждал... Вот пускай теперь сам по радиостудиям мотается. И речи ваяет. И адреса приветственные.

— Да его уже начальник УВД раком ставил! А толку? Какой из него, к свиньям, журналист?! Давай, живо выходи!

— Только после полного излечения...

— Ну, смотри! Пожалеешь! — рывкнуло в трубке, и угроза завершилась сочной матерной тирадой...

Лечился Кузнецов добросовестно. Вот только давление, быстро снизившись до ста шестидесяти на сто десять, дальше опускаться никак не желало. И больничный лист Андрею продлевали и продлевали. Что вызывало великий гнев подполковника Крикуленко.

— Сколько ты еще будешь шлангом прикидываться? — орал он, позвонив в очередной раз.— Бросить пост в такой ответственный момент! Приказываю: сей секунд собраться и прибыть на рабочее место!

— После полного излечения,— неизменно слышалось в ответ.

— Ах, ты!..

И большой начальник вновь скатывался на виртуозную ругань.

В таких «плодотворных» общениях и прошли-пролетели две недели. Обретший румянец щек Кузнецов, наконец, появился в здании УВД. Разумеется, на него тут же свалилось десять больших и столько же мелких заданий. Впрочем, на радиорейдах уже был поставлен жирный крест — начальник УВД загорелся новой идеей: организации «горячей линии» на тему антитеррора и иже с ним. А Крикуленко было строгонастроено указано: пресс-секретаря на дежурства не ставить! И вообще — задействовать по кадровым вопросам только с личного разрешения самого полковника милиции.

Меж тем Андрей выбрал минуту и постучался в кабинет Мильченко.

— В чем дело? — сухо поинтересовался двойной зам, как и обычно, не предлагая визитеру присесть.

— Вот...— выложил тот перед начальником листок с ксерокопиями аптекарских чеков.

— Что это? — не понял подполковник.

— Мои затраты, которые я понес, выполняя ваш неправомерный и противозаконный приказ, вследствие чего и бюллетенил полмесяца,— доходчиво пояснил пресс-секретарь.

— Ну, это еще доказать надо, насчет противозаконности.

— Элементарно. А пока: вы собираетесь мне потраченные по вашей вине средства компенсировать? Тут ведь почти на два миллиона «рябчиков» набежало...

— Почему так много? И вообще: почему это я? С какой стати? Что за ерунда? Ты сам виноват! Не собираюсь, и даже думать забудь!

— Ясно. Стало быть, напишем жалобу.

— Да хоть сто порций! На большее ты и не способен! — и женственное лицо моментально побагровело от нескрываемой злобы.

— По себе-то не судите,— не сдержался Кузнецов...

Через сутки обещанный документ, адресованный на имя начальника УВД, обрел реальность и в тот же день был переправлен подполковнику Крикуленко из секретариата, куда изначально и сдавалась жалоба.

— У тебя что, совсем крыша поехала? — возмущенно осведомился Степан Григорьевич у вызванного «на ковер» пресс-секретаря.— Быстро забирай свою писульку и сходи с ней в сортир!

— Она зарегистрирована,— не согласился подчиненный.— Вы обязаны поставить свою визу!

— Эх, выпороть бы тебя хорошенько! — мечтательно протянул подполковник.— Ну, раз хочешь официальности — пожалуйста...

И махом наложил резолюцию: «Рассмотрение жалобы считаю нецелесообразным».

Впрочем, начальник УВД с этим посылом не согласился, приняв иное решение:

«Тов. Крикуленко! Прошу разобраться в обстоятельствах жалобы и лично провести служебное расследование».

— Ты что, считаешь, мне делать нечего? — бушевал Степан Григорьевич, получив отфутболенный ему же, нетипичный по фабуле документ.— Кроме как ваши дрызги разбирать! Ну, проболел ты, да, ну — потратился... С кем не бывает... Я тоже после ночных проверок бюллетенил, однако ведь к начальнику УВД иска не предъявляю...

— Это ваше право. А вот Мильченко права не имел меня на вторые сутки оставлять! Откуда и гипертонический криз, и расходы.

— Ох, и мелочный ты! Подумаешь, сумма!

— Для вас, возможно, и небольшая. А для меня — значительная.

— Ну, неужели вы, два взрослых мужика, не можете любовно договориться?

— Так если он ничего и слушать не хочет! Талдычит, мол, сам виноват!

— Я тоже так считаю! Частично... Мог бы после ночного дежурства просто домой уйти — и точка.

— Но он же не разрешил и приказал!

— Ладно. Разберемся...

Пришлось Крикуленко самому опрашивать Мильченко и старшего оперативного дежурного, а для Кузнецова выписывать направление на ОБВК.

Там же терапевт и невропатолог резонно посчитали, что месяц работы по усиленному варианту несения службы без выходных обязательно должен был привести организм в состояние сильного нервного перенапряжения, а дальнейшее усиление нагрузки — то есть вторые, неполные сутки работы без ночного отдыха — вполне могло вызвать гипертонический криз.

Старший оперативный дежурный подтвердил, что задействован был пресс-секретарь с десяти вечера до семи утра.

Но вот подполковник Мильченко решительно отперся от противоправности своих действий.

— Смотри,— разъярялся Крикуленко Андрею,— он вовсе не подтверждает того факта, что приказывал тебе не уходить после ночи. Пишет: «я попросил», «желательно, чтобы остался», а «он» — то есть, ты — «согласился в добровольном порядке».

— Врет! И нагло! А еще подполковник! Слово его, утверждал, нерушимо!

— Ты так говоришь, он — эдак. Магнитофонной записи нет.

— Давайте, очную ставку нам сделайте...

— Это уже следственные действия, на производство которых я не имею полномочий...— Заместитель начальника УВД по кадрам задумался... — А может, в свете вновь открывшихся обстоятельств, по тебе самому «служебку» открыть?

— За что?

— А кто тебя знает... Вдруг, ты с умыслом остался, дабы нарочно криз спровоцировать и на полмесяца с антитеррористического фронта... Так сказать, дезертировал...

— Да как вы можете! — не поверил своим ушам Андрей и в запале вскочил со стула.

— Ладно, сядь... Сядь, я сказал, не кипятись... Разберемся по существу,— обнадежил его начальник.

И «разобрался», написав в резолютивной части материала служебного расследования следующее:

«Решить вопрос о причинно-следственной связи временной потери трудоспособности майора милиции Кузнецова А. М., вследствие, якобы, нарушения подполковником милиции Мильченко И. Ю. норм трудового законодательства, и материальном возмещении последним затрат Кузнецова А. М. на приобретенные лекарственные препараты, в ходе настоящей проверки не представляется возможным. Рекомендовать майору Кузнецову А. М. обратиться в суд для принятия окончательного решения по существу жалобы».

Изучив эту резолюцию, пресс-секретарь день-другой поразмышлял на тему вопиющего отсутствия в милиции социальной справедливости, а на третий, прямо с утра, направился к зональному инспектору, ведущему личные дела сотрудников самого УВД.

— Будь добр, подсчитай мою календарную выслугу,— попросил он.

— Двадцать лет и два месяца,— получил он ответ после обеда.

— А это точно? Меньше потом не получится?

— Ручаюсь,— заверил зональный.

— Так, стало быть, я уже право на пенсию уйти имею?

— Да, конечно. Только куда торопиться? Тебе ж еще до сорока пяти — восемь лет... А там, глядишь, и еще на годок-другой-третий продление оформим — было бы здоровье. Как раз выслугу «календарей» за тридцать догонишь.

— Сколько веревочке ни виться, а одной смерти не миновать,— свел воедино две пословицы Кузнецов и пошел писать рапорт на увольнение из рядов МВД.

— Совсем уж офонарел! — поначалу не поверил в серьезность намерений подчиненного Крикуленко.— Или, может, цену себе набиваешь? Надеешься, за тобой на коленах приползут? Умоляя рапорт забрать? Не выйдет! На обиженных воду возят!

— Черта лысого! Ничего мне не надо! — отрубил Андрей.— Даже — видите? — от прохождения ОВВК отказываюсь.

— А работать за тебя кому? — сменил тактику начальник.— Таких специалистов у нас... Да ладно, ладно, охоломи. Ну, давай, я распоряжусь, чтоб тебе приказ на премию подготовили... На те же два миллиона... Вот тебе и компенсация будет.

— Теперь я только единственную приемлю,— рассмеялся пресс-секретарь в лицо работодателю. И разъяснил: — Это если Мильченко из органов выкинут. По негативу.

— Совсем спятил! — изумился и скривился Степан Григорьевич.— Да на каком, позволь спросить, основании?

— Это уже ваши проблемы. Игра такая детская есть: поищи — найдешь.

— У меня даже слов нет...— после долгой паузы заявил Крикуленко.— И букв... Одни междометия остались! Последний раз добром прошу: заберешь рапорт?

— Нет! — упорствовал Кузнецов.— Хочу уволиться. В народное хозяйство пойду.

— Дурак! — вновь наскочил подполковник милиции.— Кому ты там на хрен нужен? Да еще и с гипертонией! Не буду я ничего подписывать — и... что?

— Две недели отработаю, потом через суд уволюсь,— объяснил Андрей.

На тему «еще послужить» с Андреем позднее беседовал и сам начальник УВД, но упершийся майор милиции круто закурил удила: «Не интересует!!!»

...Прошло три недели. Теперь уже бывший пресс-секретарь УВД сдал своему зональному кадровику полностью подписанный обходной лист и служебное удостоверение. Получил на руки трудовую книжку и военный билет. Напоследок, не стучась, распахнул дверь кабинета Мильченко. Без приглашения вошел и уселся на стул перед рабочим столом подполковника. Тот тревожно взирал из своего кресла на бывшего подчиненного.

— Ну, что, Милка, от души тебе руководство перца на хвост насыпало из-за моего увольнения? — со смешком начал Кузнецов.

— Выйдите отсюда! — только и произнес хозяин кабинета, впрочем, не очень-то и громко.

— Перебьешься, паскуда,— весьма убедительно заявил гость.— Гриб такой есть, отсосинович называется. Вот и заполучи его в руки, с двух рук!

— За оскорбление ответите!

— Черта лысого! Магнитофонной записи-то нет. В крайнем случае скажу: всего лишь попрощаться-поручкаться заходил... Впрочем, до тебя и дотрагиваться-то противно. Вообще: чего я, собственно, пришел... Жалко, что нет у нас на сегодня дуэлей, как в царской России. Там-то честь мундира и твердость слова куда дороже ценились, а не как в нашей конторе. И за оскорбление лейтенанта даже полковник обязан был ответ своей жизнью держать. Ну, дальше уж — как там Господь рассудит... Нет,

конечно, воля была и от вызова отказаться. Однако в подобном случае офицер — армейский ли, полицейский — немедля обязан был написать рапорт на увольнение из системы. Лети, трус поганый, вольной птахой в родительское имение! Лети, да помни: слухом земля полнится. Потому ни к тебе никто из соседей в гости не придет — дабы самому не запачкаться,— ни ты к ним, по той же причине, вхож не будешь.

Увы, отошли дуэли в славное русское прошлое. Да ведь и ты из штатного «Макарова» стреляться, непременно обгадился бы... Так что же прикажешь с тобой делать? Личико набить душевно? Опять, руки марать... Просто в морду плюнуть? Чую, быстро утрешься... Ладно, живи, крыса... Пока хвост не прищемили...

И отставной майор, не оглядываясь, шагнул вон из кабинета...

— Уважаемые пассажиры! Скорый поезд номер тридцать пять, сообщением Санкт-Петербург—Адлер, прибывает на первый путь,— женским голосом, искаженным до мужского, пробубнили вокзальные динамики.

Андрей еще с минуту не покидал вокзального кресла. Дождался, пока вызвавший столь негативные воспоминания человек удалится из зоны видимости на перрон.

«Вещей у него с собой нет, значит, тоже кого-то встречать явился», — сообразил Кузнецов.

Сам он должен был забрать гостинцы у возвращавшейся в Краснодарский край из столицы свояченицы. После передачи объемистой сумки, конечно, начались бесконечные вопросы: как жена, как дети, как здоровье и как дела вообще. При этом проезжающая больше торопилась выдать на-гора свои новости-впечатления, то и дело, перебивая родственника.

Десятиминутная и почти односторонняя беседа подошла к концу — объявили отправление состава. Андрей дождался, пока окно купе, за которым свояченица знаками показывала, что по приезде обязательно созвонится, поехало в сторону, и поднял туго набитую сумку.

Подходя к входу в здание вокзала, он невольно замедлил шаг: навстречу ему, по перрону, двигался толстопузый Милка, обремененный чемоданом на колесиках, а рядом семенила тощая старушенция с небольшой корзиночкой и тяжело топал дородный старик, везущий еще один чемодан.

Узрев на расстоянии нескольких шагов давнего подчиненного, полковник милиции сбился со своей характерной походки, а потом и вовсе оцепенел.

— Ты чего? — не поняла старушенция.

— Знакомый, что ли? — догадался старик и оценивающе уставился на Кузнецова, тоже остановившегося.

Мильченко молчал. Как, впрочем, и бывший пресс-секретарь УВД. Взгляды отставного и действующего старших офицеров жгуче уперлись друг в друга. Секундное противостояние — и полковник не выдержал, потупил взор.

Андрей глубоко, звучно вздохнул. Презрительно сплюнул сквозь угол рта. Повернулся к стеклянным двустворчатым дверям. И решительно, не оглядываясь, зашагал в круглосуточно живущее здание. А, пересекши его насквозь,— так же быстро направился к автобусной остановке на привокзальной площади...

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

КИПРСКИЕ НОЧИ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Наступил последний день их отдыха на Кипре. «Завтра домой, в Москву» — сказала мама.

Гоше, мальчику двенадцати лет, больше всего на Кипре понравилось море. Так много совершенно прозрачной и теплой воды еще не видел. Когда погружал лицо с маской в воду, у него захватывало дух от красоты. Дно моря, устланное разноцветными камушками, сверкало и дрожало солнечными бликами.

Первый день он не вылезал часами из этой чудесной воды, и мама боялась, что он простудится, заболеет, и «насмарку» пойдут эти семь дней их октябрьского отдыха.

Второе, что Гоше понравилось — можно было долго не ложиться спать. Дома, в Москве, папин окрик — «пора спать!», раздававшийся в десять вечера, приводил его в уныние. Здесь же, на Кипре, в маленьком поселке Карпасиана, они с мамой гуляли до полночи.

Южная ночь не казалась здесь темной на улице. Было светло от многочисленных магазинов, лавочек, ресторанов, выставивших свои столики под светильники прямо на тротуар. Допоздна было многолюдно.

Гоше напоминало это ГУМ в Москве. Так же нарядно, кругом светящиеся витрины и много неторопливо идущих людей.

Только если дойти до конца главной улицы этого кипрского поселка, где освещение сразу обрывается, можно было увидеть черную темноту, как стена встававшую сразу за последним светящимся фонарем.

Дойдя до этой стены южной ночи, они с мамой поворачивали и возвращались в светлые нарядные улицы. И снова шли мимо магазинов, лавочек, ресторанов, без промежутков следовавших друг за другом.

В воздухе плавали вкусные пряные запахи. Мама останавливалась у витрин больших магазинов и подолгу рассматривала выставленные за стеклом вещи. Но Гоше больше нравилось задерживаться у легкого ажурного здания, увитого незнакомыми цветами, из которого неслись громкие звуки ритмичной музыки. «Это дискотека», — сказала мама на вопрос Гоши. Было интересно узнать, что там. Но мама сказала, что детей туда не пускают.

Когда мама уставала ходить по улицам, они шли в отель. В первый же день Гоша нашел на открытом месте внутреннего двора отеля бильярд. Он тоже привел его в восхищение. Взяв в руки кий и наклонившись над столом, покрытым зеленым сук-

ном, Гоша чувствовал себя взрослым мужчиной, что делало игру на бильярде особенно замечательной. Играл азартно. Удары получались сильные и неточные. Шары нередко вылетали за борт.

Так обычно заканчивался их день. Они поднимались в свой номер на втором этаже небольшого уютного отеля, и Гоша, лежа в постели, долго не мог уснуть. Под звуки танцевальной музыки, доносившейся из ажурного здания, увитого цветами, перед ним оживали впечатления еще одного дня на Кипре. Пальмы, теплая прозрачная вода, крапленая бликами солнца, никуда не спешащие люди, белые дома, непохожие друг на друга, незнакомые марки автомобилей, мчащиеся по левой стороне улицы, белые шары, катящиеся по зеленому сукну,— все это мгновенно появлялось в памяти, стоило только закрыть глаза.

Проснувшись утром, Гоша выходил на галерею, с внутренней стороны опоясывающую весь второй этаж отеля и, пока мама совершала свой утренний туалет в номере, любовался бассейном. Вода сверху казалась совершенно гладкой, как стекло потому, что бассейн находился во внутреннем дворе отеля и со всех сторон был защищен от движения воздуха.

Каждое утро, до завтрака, пожилая пара — мужчина и женщина в купальниках бодро выходили из своего номера на первом этаже, как раз из-под ног Гоши, делала на краю бассейна гимнастические упражнения и ныряли головой вперед, с шумным плеском разбивая синее стекло воды. Гоше было смешно видеть, как они перебирали в воде ногами, сразу становившимися короткими от оптического преломления.

Выходила из номера мама, и они шли завтракать. Первые дни завтракали в ресторане отеля. Ресторан был маленький, между столиками проходить было тесно. Пропеллер с длинными лопастями, лениво вертевшимися под потолком, не давал прохлады. Поэтому стали устраиваться за одним из белых столиков, стоявших по краям бассейна. Как только они усаживались, появлялся большой рыжий кот, ласково смотрел на них и медленно мигал зелеными глазами.

После завтрака они шли на море.

На третий день утром к бассейну вышла женщина и с ней молодая девушка. Женщина была в купальнике ярко синего цвета. На девушке была черная майка и белые джинсы. Женщина осторожно по лесенке спустилась в воду и стала плавать, энергично выкидывая перед собой руки. Девушка села в кресло и закинула ногу на ногу. В руках у нее была маленькая пестрая книжка, которую она раскрыла и стала читать. Гоша смотрел на нее с галереи до тех пор, пока женщина не выкупалась, и они не ушли к себе в номер.

На другой день девушка и женщина не появились. Утром за завтраком Гоша искал их глазами. Но из номеров выходила разнообразная публика — старые худощавые женщины в шортах, грузные мужчины с фотоаппаратами, висевшими на шее, молодые мамы с маленькими детьми, и одна влюбленная парочка, каждый день появлявшаяся в новых нарядах. Девушки в черной майке и белых джинсах среди них не было. Гоша сразу заметил бы ее. Она была высокая, стройная, и у нее были прямые белые волосы до плеч. Не появились она и за ужином.

На пятый день, устав от моря, мама решила ехать на экскурсию. Выбрали Пафос.

Когда автобус, выбравшись из узких улиц, выехал за город и помчался по дороге по направлению к синевшим вдалеке невысоким горам, Гоша с сожалением оглянулся на удалявшееся море, представил себе, как хорошо было бы сейчас окунуться в сверкающую воду, вздохнул и стал смотреть в окно.

Большой и длинный, как дом, автобус мчался с головокружительной скоростью. Гошу забавляло то, что они обгоняли даже иномарки. С высоты «второго этажа» он с азартом смотрел, как они догоняли очередной автомобиль, он проплывал под окнами

автобуса и оставался позади. Гоша с удовольствием помахал бы водителям рукой, но ему была видна только крыша обгоняемой машины.

Проплывавшие назад пейзажи были довольно однообразны. Все, что видел, он сравнивал с морем. Пологие холмы, видневшиеся вдаль, напоминали ему волны. Редко попадавшиеся кусты на склонах холмов были похожи на морских ежей, прикрепившихся к бокам больших рыжих камней.

Через два часа монотонного однообразия быстрой езды автобус сделал остановку.

— Залив Афродиты, — объявила экскурсовод. — Стоянка полчаса. Можете искупаться.

Это предложение застало маму и Гошу врасплох. Они не взяли купальников. Отчаянию Гоши не было границ: всего семь дней и один будет без купания в море! Мама горевала тоже: быть на том месте, где из моря вышла сама Афродита, иметь возможность погрузиться в воду, которая делает женщину красивой, и — оказаться без купальников!

— Ладно, купайся в трусах, — решительно сказала мама.

Сама она, поднимая все выше и выше подол юбки, медленно заходила в воду, а потом ополоснула ею лицо и голые до плеч руки.

Выкупавшись, Гоша отжал мокрые трусы, спрятавшись за большим серым камнем, что лежал в полусотне метров от воды, и они с мамой побежали к автобусу, уже призывно сигналившему с дороги.

Пафос Гоша нашел скучным. Было очень жарко. Из прохладного автобуса выходить не хотелось.

Произвели впечатление на Гошу только катакомбы святой Соломонии. Перед входом в них росло дерево, на ветвях которого висели платочки, привязанные теми, кто верил, что это приносит счастье. Платочков было так много, что почти не было видно листьев дерева. Дерево выглядело забавно.

В катакомбах было прохладно и сумеречно. Гоша ожидал увидеть длинные темные запутанные коридоры, высеченные в толще земли, и приготовился к тому, что ему будет страшно. О том, что в катакомбах должно быть страшно, он читал в какой-то книжке. Но эти катакомбы представляли собой лишь несколько небольших пещер, похожих на залы, соединенных между собой короткими узкими проходами. В пещерах на стенах были темные некрасивые иконы, от них не исходило сияние, и смотреть на них было неприятно.

Легко и ярко одетые экскурсанты из автобуса фотографировались на фоне темных икон, озаряя их вспышками фотоаппаратов. Некоторые крестились перед иконами. Гоша заметил, что мама тоже перекрестилась украдкой.

Пестрая толпа экскурсантов в темноте пещер напоминала Гоше разноцветных рыбок в аквариуме.

Через полчаса они вышли из прохладных катакомб в зной улицы.

Предстояло осмотреть еще недавно раскопанный археологами дом знатного горожанина Пафоса античных времен. Чтобы как-то развлечь себя и скоротать время, Гоша взял у мамы фотоаппарат. Он снимал там, где экскурсанты из их автобуса не снимали. Да и снимать-то, собственно, было нечего. От дома знатного горожанина античных времен остался только мозаичный пол. Экскурсовод объясняла смысл сюжетов, изображенных на полу, но фигуры были едва заметны, и смотреть на них было неинтересно.

После античного дома в плане поездки был ресторан и обратная дорога.

Ресторан был большой, просторный, малолюдный и располагался — какое счастье! — прямо на берегу моря. За окном было море. Необъятное, сверкающее, переливающееся солнечными зайчиками, веющее прохладой и солоноватым ароматом. На столах блестели белоснежные салфетки. Стояли прозрачные, почти невидимые бокалы. Красочные, как альбомы по искусству, лежали глянцевые меню.

Гоша выбрал для себя меч-рыбу. И апельсиновый сок.

— Fish-sword and orange juice, please,— сказал он официанту, испытывая невероятное удовольствие от всего происходящего.

Мама была скромнее. Она сделала заказ по-русски.

Официант постоянно улыбался и по-русски пожелал им «приятного аппетита».

Обратная дорога обещала быть скучной.

На выезде из города сделали остановку у лавочки, где экскурсовод посоветовала купить оригинальное, только на Кипре производимое вино — Командор. Мужчины вышли все как один. Вышла и мама купить для папы в подарок вино. Гоша остался в автобусе. Его клонило в сон. Чтобы не уснуть, стал рассматривать улицу. На тротуаре прямо перед входом в лавочку он увидел огромные глиняные кувшины. Они были такими большими, что, примерив мысленно их на себя, решил, что вполне бы смог в них спрятаться.

Эта мысль пришла ему в голову потому, что он вспомнил мультфильм, в котором разбойники, взрослые дяди, прятались в большие глиняные кувшины.

Пришла мама. Автобус тронулся и помчался уже без остановок в Карпасиану.

Гоша подержал в руках темную и тяжелую, как булыжник, бутылку, которую принесла мама, разобрал и перевел для мамы английскую надпись на ней и стал смотреть в окно. Было неинтересно, и он уснул.

Проснулся он, только когда автобус остановился у отеля.

— Мальчик устал,— сказала мама.— Как раз к обеду успели. Сейчас поедим и будем отдыхать.

Они умылись у себя в номере и спустились к обеду.

Все столики у края бассейна были заняты. Походив с подносами с едой, они нашли столик, за которым обычно обедали. За ним сидела одна женщина и три места были свободны.

— Можно? — спросила мама.

— Конечно,— последовал ответ по-русски.

Они не удивились, потому что за эти несколько дней, прожитых в отеле, убедились в том, что здесь много русских.

Гоша узнал в их соседке по столу ту самую женщину, которую он видел вместе с высокой стройной девушкой позавчера у бассейна.

Мама и эта женщина разговорились.

Сначала Гоша не слушал, о чем они говорили. Он знал общительный характер мамы, ее умение быстро знакомиться и говорить на самые разные темы с самыми разными людьми.

Сначала разговор был о вещах и покупках. Потом краем уха, подкармливая рыжего кота, занявшего свое обычное место у их столика, Гоша слушал, как женщина рассказывала маме о своей однодневной поездке с дочерью в Израиль. Эта поездка входила в путевку и разочаровала их. «Все бегом, все бегом,— говорила женщина. Ничего толком посмотреть не удалось». Гоша понял, что речь шла о магазинах, и снова рыжий кот занял все его внимание.

Он только насторожился, когда речь зашла о девушке, дочери этой разговорчивой русской женщины. «Вы знаете, пришли ребята-киприоты и пригласили ее на дискотеку».— «И вы отпустили ее?» — спросила мама с удивлением. «Я узнала, здесь это принято. Это как бы входит в программу туристского сервиса,— сказала женщина.— Я наводила справки. Здесь совсем нет преступности. Мальчики такие вежливые».

— Бывают же мамы,— сказала мама, когда после обеда они с Гошей поднялись в свой номер передохнуть после экскурсии в Пафос, занявшей почти весь день. Наступал вечер. Обеды в заграничных отелях бывают тогда, когда в России ужинают.

Перед сном Гоша и мама пошли погулять.

Кипрская ночь благоухала. В посвежем с наступлением темноты воздухе плавали разнообразные ароматы. На берегу пахло морем и водорослями. На улицах, у ресторанов воздух казался густым и сочным. Из палисадников вокруг вилл источали острый травянистый запах неизвестные кипрские цветы. От прогуливающейся праздной публики исходило тонкое дыхание заграничной парфюмерии и трубочного табака.

Темнота южной ночи имела особый аромат. От него на сердце у Гоши становилось тревожно и радостно, рождалось ожидание чего-то необычного, почти волшебного, могущего случиться каждую минуту за каждым поворотом коротких нешироких улочек Карпасаины. Они шли как раз по этим улочкам, прочерченным как на листе в клеточку. Освещали их только окна вилл и светильники, горевшие на открытых верандах.

Этой южной ночи не хватало музыки. Когда Гоша подумал об этом, тотчас раздалась уже знакомые за эти несколько дней кипрские мелодии. Они проходили мимо большого отеля, отгородившегося на окраине поселка от улицы высоким забором. Музыка была за этим забором. Играл не проигрыватель, играли музыканты, потому что время от времени наступали перерывы, и тогда раздавались аплодисменты, как будто кто-то сыпал морские камушки. Мелодии были певучими. Музыка звучала мягко. Она не разрушала ночь. Она делала ее волшебной.

Вернувшись с прогулки в отель и проходя мимо «гесертон», они увидели объявление, гласившее на русском языке, что завтра, после обеда, который будет на час позже обычного, оркестр местных музыкантов даст концерт народной музыки «Кипрские ночи». «Значит, оркестр будет играть и у нас», — подумал Гоша и, утомленный событиями этого бесконечного дня, отправился спать.

Утром Гоша и мама оказались опять за одним столиком с той самой женщиной. Она была одна. На мамин вопрос — «Где ваша дочь?» — последовал ответ: — «Отсыпается». — «Все в порядке?», — спросила мама. — «Безусловно!» — «Вы смелая мама». — «Будет вам». И они расстались с этой женщиной до вечера.

Весь день Гоша провел на море. И в море. Мама смирилась с тем, что вытащить в этот последний день из воды его не удастся.

Гоша плавал, нырял с маской, собирал разноцветные камушки на память о море. Мама лежала на топчане и, переворачиваясь с живота на спину и обратно, наносила тем самым последние штрихи к своему кипрскому загару.

Озябнув, Гоша выбежал из воды, ложился рядом с мамой, прижимаясь к ее теплему боку, и отбивал зубами мелкую дробь.

— Смотри, заболеешь, — лениво, нестрого говорила мама, разомлевшая под лучами ласкового южного солнца. — Хватит. Погрейся.

— Ну, мама! — протестовал Гоша и опять бежал к воде.

Так повторялось много раз в этот последний день их отдыха на Кипре.

Наконец наступил вечер и обед.

Гоша ждал их с нетерпением. Весь этот вечер должен быть необыкновенным. Будет играть музыка прямо у них в отеле, и он увидит живых кипрских музыкантов, играющих настоящую кипрскую музыку. Потом они будут долго-долго гулять с мамой по ярким нарядным улицам и на прощание с Кипром выпьют по фруктовому коктейлю за столиком на тротуаре.

Обед прошел как обычно, в обществе большого рыжего кота, который, видимо, предчувствуя разлуку, ласково терся о Гошины ноги.

После обеда они поднялись к себе переодеться к концерту. Гоша надел белые джинсы и черную майку, на которой как на географической карте был изображен остров Кипр. Мамин туалет казался Гоше нескончаемым.

— Ну, скорее же, мама. Займут все места.

И в самом деле, когда они спустились со второго этажа на площадку перед входом в ресторан, почти все стулья, расставленные полукругом, были заняты. Публика была приедта. У стены, где должны были разместиться музыканты, уже стояли, как грибы на тонких ножках, ударные тарелки, блестя медью, на стульях лежали гитары, скрипка и банджо. Как гора чемоданов чернел музыкальный центр — звукоусилитель.

— Ну, вот, мама,— в сердцах сказал Гоша.

— Идите к нам,— позвали их.

В наступающих сумерках они увидели знакомую женщину. С ней сидела девушка в белых брюках и черной майке.

Они подошли и сели с ними рядом. Сначала мама, потом Гоша на крайнем стуле. Когда Гоша поворачивал голову, через маму ему была видна девушка.

Вышли музыканты и стали играть. Полились мелодии, которые Гоша и мама слышали вчера вечером у отеля за забором.

Сначала это были песенные мелодии. Потом музыканты заиграли танцевальную музыку. С каждым номером музыка становилась все зажигательней, быстрее, энергичней. Но никто не поднялся танцевать. Пожилые люди предпочитали слушать. Мамы сидели с детьми на коленях. Влюбленной парочки, каждый день менявшей наряды, не было.

Украдкой поглядывая на девушку, Гоша видел, что ей было скучно.

— Танцуйте, пожалуйста,— по-русски выкрикнул один из музыкантов.

Из передних рядов поднялась пожилая пара и стали танцевать. Публика зааплодировала. Танцоры двигались медленно, шаркая ногами по полу. Когда они закончили, им аплодировали снова.

После них никто больше не танцевал, хотя музыканты играли не переставая.

— Вы не играете на бильярде?

Гоша поднял глаза. Перед ним стояла девушка в белых брюках и черной майке. Гоша подумал, что эти слова обращены не к нему. К нему еще никто не обращался на «вы». Но девушка стояла перед ним и ждала ответа.

Гоша встал и посмотрел на маму.

— Иди, иди,— сказала мама, и Гоша понял, что над ним не шутят.

Ему стало жарко.

Девушка повернулась и пошла. Гоша пошел за ней. Они подошли к бильярду.

Бильярдный стол располагался в одной из арок, через которую из внутреннего двора отеля можно было выйти на улицу. Над столом висел фонарь. Он горел всю ночь, и поэтому играть можно было сколько угодно долго. Чтобы получить шары, в прорезь, находившуюся в торце стола, надо было опустить 20-пенсовую монету.

Девушка подошла к столу и повернулась к Гоше. Гоша стоял перед ней и не мог отвести от нее взгляд. Впервые в его жизни взрослая красивая девушка стояла перед ним и смотрела на него, как на равного себе. Пауза затянулась. Гоша не сразу сообразил, что нужно делать. А когда сообразил, жар опять охватил его лицо.

— Я сейчас,— сказал он и бросился бежать.

Разыскав среди публики маму, он предстал перед ней взволнованный и запыхавшийся, хотя пробежать ему пришлось всего метров двадцать.

— Мама, мама, скорее двадцать пенсов! — громким шепотом выкрикнул он.— Скорее же!

С монетой в кулаке он бросился обратно.

И они стали играть на бильярде.

Сначала Гоша робел. Но девушка играла не лучше его. Шары тоже вылетали у нее за борт, и Гоша с готовностью лазил за ними под стол или преследовал их, не

давая им закатиться далеко. Потом он осмелел. Хлопал в ладоши, когда у него или у девушки получался хороший удар, сталкиваясь с ней при подходе к шару для удара, не всегда даже извинялся и в азарте игры стал называть ее на «ты».

Время летело незаметно.

Когда партия заканчивалась, то есть все шары оказывались выбитыми, Гоша бежал к маме за новым двадцатипенсовиком.

— Скорее же, мама! — говорил он горячим шепотом, чтобы не мешать слушать музыку, которая продолжала напевно звучать во внутреннем дворе отеля.

— Весь вспотел. Не торопись,— говорила мама, платком утирая пот с его лица. Он выхватывал монетку у нее из руки и бежал к бильярду.

Гоша опускал монетку в прорезь, шары выкатывались, и игра продолжалась.

Уже несколько раз Гоша прибежал к маме за очередной монеткой. Завидев его, бегущего к ней, мама вынимала кошелек.

И вот Гоша появился перед мамой совсем не возбужденный и торопливый, а погасший и грустный. Он подошел и тяжело опустился рядом с мамой на стул.

— Ну, что, наигрался? — спросила мама, продолжая слушать музыку.

— Да,— уныло сказал Гоша.

— А где Катя? — спросила женщина, поворачиваясь к нему.

— За ней пришли. Она ушла с ними на дискотеку,— ответил Гоша.

Когда «Кипрские ночи» закончились, Гоша сказал маме, что на вечернюю прогулку ему идти не хочется и пить фруктовый коктейль за столиком на тротуаре он тоже не хочет.

— Вот и хорошо,— сказала мама,— будем собираться. Завтра домой, в Москву.

Они распрощались с женщиной, Катиной мамой, и поднялись к себе в номер.

Пока мама собиралась, Гоша равнодушно смотрел телевизор. Спать легли рано. «Надо выспаться на дороге, чтобы не проспять»,— сказала мама.

Рано утром они уехали в аэропорт.

В самолете Гошу слегка поташнивало, и от этого настроение у него было плохое.

Когда в Москве они выходили из аэровокзала, дул сырой ветер и накрапывал дождь.

Татьяна Камаева
(г. Москва)

КРОВИНУШКА

Татьяна Камаева, прозаик, член Союза писателей России и творческого клуба «Московский Парнас», автор книги «Путь к себе». Автор журнала «Приокские зори».

Сепановна не могла заснуть и лежала на спине, всматриваясь в темноту.

Уступив уговорам сына, она легла в больницу. Шалило здоровье — следствие блокады.

А за окном хозяйничала зима. «Тридцатая зима после войны,— думала она,— с каждым годом болячек все больше и больше. Колдуют врачи надо мной, а болезнь берет свое... Сколько сроку мне судьба отмерила? Эх, нелегкая ты у меня, судьбинушка... Вынеси, дай пожить немного... Внука надо поднимать, рано лишился он мамки. Бог прибрал ее после родов. Не слушала меня, высказивала раздетая на балкон вывешивать пеленки. Простудилась и ушла в мир иной... Оставила мне махонького. Не война! Вынянькаю. Как там они без меня дома хозяйничают?.. Белье, наверное, так почти месяц и лежит, дожидается. Обязательно к Пасхе надо побелить квартиру, вымыть окна. Как быстро пролетела жизнь. Скоро утро... А там новый день... Жизнь продолжается...»

За дверью послышался странный звук. Прислушалась. Кто-то жалобно скулил, как слепой щенок, потерявший мамку. Захотелось встать и посмотреть, что за беда случилась с человеком? Не могла пройти мимо чужой боли. Она повернулась на кровати, но панцирная сетка предательски заскрипела. Чтобы не разбудить соседей по палате, Степановна осторожно опустила ногу на пол, пошарив, нашла тапочек, изловчилась и приподнялась. Кровать опять скрипнула, но уже тише. Никто из больных не проснулся. Накинула халат и двинулась к двери. Дощатый пол попискивал. Наконец, вышла и в ужасе застыла от увиденного.

Парень приготовился лишиться себя жизни. Даже в тусклом свете луны женщина заметила отблеск бритвы. Красивое лицо с испуганными глазами смотрело на нее. Не раздумывая, Степановна со всей силы двинула кулаком по этому лицу. Парень отлетел к стене и медленно сполз на корточки. Глаза от неожиданности вмиг просохли.

— Че, мать, делаешь? Завтра синяк будет,— пробурчал он, трогая переносицу.

— Потерявший голову по волосам не плачет, сынок...

Она подняла бритву, подошла к пареньку и погладила отросшие волосы.

— Солдатик, небось?

— Да, с аппендицитом попал.

— Сам что ли решил сделать себе хакари? Рассказывай, что стряслось?

— Не буду,— буркнул тот.

— Может, кто обижает? Скажи. Сама к командиру пойду,— не отставала Степановна.

— Пусть попробуют тронуть,— сважничал солдатик.

— Звать-то как?

— Пашка.

— Павел, значит. Ну не хочешь, не говори. Только жизнь, сынок, можно отдать ради родной кровинушки. Можно еще за родителей. Только... они же не переживут твоей смерти! Ты про мамку с папкой вспомнил, когда надумал полоснуть по венам?

— Нет у меня бати. Испарился... после моего рождения,— парень, втянув голову в плечи, уставился в пол.

Женщина присела на кушетку:

— Пожалуй, я поведаю тебе то, о чем никому и никогда не рассказывала.

Павел слушал Степановну и забывал о своей боли, о разрыве с любимой, которая его не дождалась, выскочила замуж. Он понимал, что самый близкий человек, готовый отдать за него жизнь — это мать. Как мало он думал о ней. Все больше писал той, которая предала его. «Теперь буду чаще писать матери»,— решил он.

А Степановна, маленькая, очень худенькая женщина, с большими выразительными глазами на все лицо, обняла Пашку, чтобы тот не мерз, и все рассказывала, рассказывала...

Она отпустила паренька, когда стали просыпаться больные, надо было идти по палатам мерить температуру. При свете Павел заметил у нее на щеке, ближе к правому уху, странную родинку, похожую на звездочку.

Больше он не встречался с этой худенькой женщиной, которая вселила в него что-то большое, ради чего стоит жить. Ее выписали в этот же день.

Она появилась в его жизни, как ангел, и исчезла, как волшебница, сделав свое дело.

При выписке Павлу передали листок с адресом. Там еще была приписка: «Заходи, сынок, в любое время. Спроси Степановну».

Только через пять лет Павел решил приехать к ней в гости.

Дверь открыл мальчик, у него на щеке была точно такая же родинка в виде звездочки.

— Значит, я не ошибся. Степановну можно? — Павел волновался.

— Па, здесь бабушку спрашивают,— крикнул мальчишка.

— Проходите, проходите,— засуетился мужчина, увидев в дверях молодую пару с малышом на руках.— Вот на кухню сразу к столу и проходите.

— Я с женой и дочуркой к Степановне приехал. Хочу узнать ее имя, поблагодарить...— Павел замешкался.— Она, мой ангел-хранитель.

— Проходи,— высокий худощавый мужчина, похожий чем-то на Степановну, протянул руку и представился,— Николай.

— Павел,— пожав руку, сказал гость.— Я познакомился со Степановой в больнице.

— Да проходи же! Что стоять в коридоре? Пожалуй, на кухне мы все не поместимся,— хозяин перекинул полотенце через плечо и крикнул:

— Колька! Тащи всю еду в зал.

— Где же Степановна?

— Нет ее...

— Как нет?

— Умерла прошлой осенью. Тихо так умерла. Она не любила говорить о болячках. Блокада подкосила.

— Она мне рассказывала о блокаде.— Павел передал дочку жене и прошел в комнату за хозяином.

— Странно, мать не любила говорить о том времени. Не могу понять, как я выжил?

— Я, кажется, знаю,— сказал гость.

— Рассказывай, рассказывай,— Николай подтолкнул его к столу.

Они сели и забыли об окружающих, о еде и питье...

— Молодые сыграли свадьбу,— вспоминал рассказ Степановны гость.— Надо понимать, Николай, что это были ваша мать с отцом. А вскоре мужа забрали на фронт.

— Да, да, мать говорила, что отца через неделю после свадьбы забрали на фронт,— Николай уже не сомневался, что мать именно этому человеку рассказывала о себе.

— Вскоре Степановна почувствовала, что носит ребенка. Это надо понимать, вас,— продолжал Павел.— Радостную весть сообщила мужу на фронт.

— Писем было всего пять,— добавил Николай и процитировал наизусть: «Любимая моя женушка, твои письма ношу возле сердца. Они согревают мне душу, и я чувствую, что ты рядом. Читаю их и перечитываю. Сбереги нашего малыша. Твой Николай».

— Пойдите, Степановна вас назвала Николаем в честь погибшего отца?

— Да! А я сына назвал в честь деда. Он, как и я, Николай Николаевич. Рассказывай, Павел, что еще знаешь?

— Ребенка родила раньше срока — говорила она. Сын был слабым, даже не плакал. Голод. Холод. Война. Измученная, в полуобморочном состоянии, она как-то вышла на улицу. Стояла поразительная тишина: ни вороны, ни блудной кошки не попало ей на пути. Увидела, как одна девушка разгребла сугроб, сунула в него какой-то сверток, и спешно удалилась. Твоя мать достала сверток, развернула и увидела тельце мертвого младенца, ему было несколько дней. Степановна не удивилась, потому что сама оставила сына полуживого. Молока у нее не было. Да и откуда ему там быть? Она третий день ничего не ела. «Это твой ребенок?» — услышала она голос прохожей старушки. «Нет, нашла в сугробе», — испуганно ответила ваша мать и показала на разрытое место. Она рассказала этой старушке, что у нее тоже есть малыш, который умрет, если не накормить его. «Иди, милая, домой. Какая у тебя квартира? — прошамкала старуха.— Сама-то дойдешь?» — «Доберусь».

Вечером кто-то постучался. Степановна отворила дверь и увидела недавнюю знакомую старушку. Та протянула банку. Почти месяц она подкармливала вашу маму, а потом бесследно исчезла. То ли попала под бомбежку, то ли силы покинули ее, но больше она не появлялась.

Степановна рассказывала, что в блокаду поели всех кошек, ворон, даже крыс ели, чтобы не умереть с голоду. Она все делала, чтобы вы выжили. Об этом просил ее муж, Николай. Вы даже не представляете, что сделала с собой эта женщина. Видели у нее на левой руке странный шрам?

— Видел. На запястье был шрам. Я любил трогать его в детстве. Он был такой твердый. А когда вырос, всегда целовал в это место...

Николай задумался, догадка мелькнула в голове:

— Вот почему мама любила повторять: «Кровинушка, ты моя».

Слезы катились по щекам, мужчина не стеснялся их.

Павел тоже смахнул слезу и сказал:

— Степановна была мужественной. Она спасала вас, как могла... А я — дурак, чуть сам себя не лишил жизни. Ангел вовремя подоспел.

— Как это? — вырвалось у Николая.

— А так! От несчастной любви. Степановна спасла. Я ее слова всю жизнь помнить буду. Знаешь, что она мне сказала?

— Догадываюсь,— утвердительно сказал Николай и начал вспоминать.—

«Жизнь, сынок, можно отдать ради родной кровинушки. Можно еще за родителей, только они не переживут твоей смерти...»

— «Вот и тебя, солдатик, мать вырастила без отца. Трудно ей было. Береги ее, сынок»,— продолжил Павел и снова смахнул слезу.

Николай тоже, не стесняясь, плакал. Так мужчины плачут очень редко. Раз в жизни.

Утро застало их за столом, на котором остыла нетронутая еда и стояла непочатая бутылка водки.

— Давай, Павел, помянем мою маму, Ангелину Степановну,— Николай наполнил рюмки.

Они выпили залпом, не чокаясь.

— Теперь я знаю, как назову свою дочь... Ангелиной в честь Степановны,— выдохнул Павел.— За тем и приехал.

Хозяин снова наполнил рюмки.

— А теперь, Павел, давай за твою дочку.

— За Ангелинку! — добавил Павел.— И за вашего Николку.

— За Ангелину и Николая!

Рассвело... Начинаясь новый день. Жизнь продолжалась.

Яков Шафран
(г. Тула)

БОМЖ

Василий неспешно брел по мосту, что широко раскинулся над железной дорогой и далее над речкой, сейчас, зимой, заметенной снегом, и оттого кажущейся широкой, а летом — мелководной, зажатой разросшимися деревьями и кустарниками, все более наступающими на нее, заполненной водорослями и затянутой тиной. А ведь он еще на своем веку помнил речку более широкой и более чистой. Знающие люди говорили, что лет сто пятьдесят тому назад, она была полноводной и красивой, в ней водилась рыба, а в жаркие дни здесь у моста было массовое купание горожан.

Он любил мост. Если очень медленно идти по нему, останавливаясь и подолгу глядя на темные застывшие фигурки любителей зимнего лова, то так можно было провести минут пятнадцать времени в один конец. А если по два раза туда и обратно, то и час времени можно было убить. Ведь ему некуда было спешить.

Василий любил мост еще и потому, что по нему обычно шло гораздо меньше людей, чем по улице. Нет, он любил людей, но боковым зрением подмечал, как они произвольно старались обойти его, а если это не позволяла уличная скученность, то хотя бы отвернуться. Только бродячие кошки и собаки не чурались его.

Чуть поодаль за рекой — его родной завод, на котором Василий проработал токарем почти пятнадцать лет. Все также стоят корпуса, трубы, и проходная — на месте. Утром также торопятся пройти в нее люди — правда, их становится все меньше и меньше. Что-то иногда вывозят с завода на грузовиках — подмечал Василий, — значит, работа, какая-никакая, идет. А вот в его времена завод все три смены кишел людьми. На то и слово такое — завод, завели и работает. Последние годы, а ныне — и более того, завод стал кончаться, ослабла пружина, некому и нечем стало завести...

Однако, когда Василию надоедало ходить по мосту взад и вперед, он возвращался на улицу. Он старался держаться ближе к местам, где можно было найти пропитание, спасаясь в холода и непогоду трассами теплоснабжения, подъездами домов с чердаками, в которые в дневное время, если повезет, можно было зайти вслед за милосердным или, наоборот, безразличным жильцом. На свалках, куда частенько выбрасывали старую деревянную мебель и строительный мусор, можно было найти, наломать и натаскать в укромный угол дровяшек, и, запасясь заранее кипой газет, разжечь небольшой костер. Но это только в сухую зимнюю, позднюю или, наоборот, ранневесеннюю, опять же, сухую погоду. А вот в зимнюю ростепель, какие сейчас все чаще и чаще бывают, или в промозглое межсезонье, когда все, в том числе и газеты за пазухой, отсыревает, костер уже не разжечь. В благодатную же летнюю пору Василий, поев, уходил на берег реки и там бродил или спал на траве до тех пор, пока снова не захочется есть.

Тут в километре в спальном районе был старый двухэтажный дом, из тех, что строили пленные немцы после войны. Дом был уже расселен, но его на протяжении

двух лет почему-то не сносили. Этажи были отключены от газо- и теплоснабжения, от электричества, двери, оконные рамы со стеклами и доски полов, а также прочие атрибуты жилого помещения, были тут же буквально за ночь вынесены рачительными дачниками и городскими огородниками. Но в подвалах было тепло — забыли, видимо, по рассеянности или еще по каким-то неведомым причинам отключить горячую воду. В доме этом и ночевали местные «бомжи»... Однако дом вчера все же снесли. «Бомжи» разбрелись кто куда. Василий же, однолюб, пока никак не мог стронуться с привычных мест, с которыми у него много было связано по жизни. Но ночевать-то где-то нужно было — зима ведь на дворе. Что делать? На всех подъездах сейчас — кодовые замки — не зайти. А если даже дожидаться, пока кто-то выходит или заходит будет, то не пустят, прогонят прочь «вонючего бомжа». Да даже если и зайти — с площадки прогонят, а проходы на чердаки и райские места — подвалы — закрыты на прочные замки. Остается только, если кто-то из милостивых жильцов или дворник пустят в подвал переночевать, согреться, а то и пожить, как в собственном доме. Но вероятность этого невелика... Можно было бы на теплотрассе пристроиться — тут участок недалеко над землей проходит. Но мороз сегодня крепкий и ветер сильный, от которого не укрыться...

Да... хорошо, когда тепло. Костер бы сейчас не помешал. И чтобы горел, не угасая, и греться, греться возле него, выгреть всю стужу из тела, избыть эту хроническую застарелую дрожь, ставшую уже внутренней дрожью, дрожью, казалось, каждой клеточки. Представил Василий этот костер, в огне горящие поленья, вспомнил, как в детстве любил смотреть в топку печки — жили они в частном доме, — слушать, как потрескивает огонь, любил бросать в него старые газеты и наблюдать, как они, охваченные голубыми языками пламени, разворачиваются, на миг еще сохраняя свои письмена, и рассыпаются в пепел. Однажды, будучи еще несмышленным пацаном, бросил он в огонь рублевую бумажку, а мать увидела и всыпала ему. Но успел он увидеть — красиво горел рублевик, совсем не так, как газетная бумага. Потом мать объяснила, сколько всего она могла купить ему на этот рубль. Вася долго переживал...

Деньги горят красиво, и в прямом и в переносном смысле. Так и сгорели в большой, страшной, но невидимой — мерзнущий Василий все никак не мог подобрать слов для названия, — той «печи», сгорели все их с женой Антониной сбережения. Только тогда, в начале девяностых, не сами они бросили деньги в «огненное жерло», а эта, как потом выяснилось, ненасытная «печь» сама втянула их — и не только их, а миллионов людей, — деньги в свое чрево. А те немногие, что были в наличии на руках, как и зарплаты, вмиг обесценились. Суммы, достаточной для покупки цветного телевизора с большим экраном и хорошего холодильника в купе с ним, теперь хватало лишь на несколько буханок хлеба. Хорошо еще, что детей у них не было!

Подбила Василия жена тогда, в девяносто четвертом, вместе податься в «челноки». И подались, стали на пару ездить в Турцию, возить оттуда тюки с баулами, набитые вещами и обувью, и торговать на рынке. Первые два дня торговли, как сейчас помнил он, прошли бойко — Антонина энергично призывала покупателей, могла преподнести им товар с лучшей стороны... А на третий день подошли к ним трое крепких улыбчивых ребят.

— Хорошо работаете, — говорят, — мы тут наблюдали. Пора и делиться — без охраны сейчас никак нельзя. Могут обидеть нехорошие люди и сильно. Будете нам «отчинять» столько-то и столько-то — никто и близко к вам не подойдет. Торгуйте на здоровье хоть до второго пришествия!

Не понял Василий — не то, что они имели в виду, — не понял, зачем и почему они с женой должны отдавать «кровно заработанные» кому-то, никакого отношения не имеющему к их труду. Заартачился он, а те — еще настойчивее. Заартачился Ва-

силий еще сильнее, а у ребят тех не только улыбки сошли с лиц, но и порозовели они сильно тогда. Василий ни в какую — «Нет! — говорит. — Пойдите прочь, бездельники! Ни гроша вам, оглоеды, не будет!»

Изрядно побили они тогда Василия. Антонина кричала в голос, но никто на подмогу так с места и не сдвинулся. Избили так, что все внутри отбили. Деньги все, что были к концу рабочего дня (а день тот был намного удачнее первых двух), отобрали, и из товара все, что приглянулось, прихватили, а остальное свалили с прилавка и мешалок в грязь — накануне всю ночь лил дождь...

Холод забирался вовнутрь, и от него никуда не деться. Из тамбура ближнего супермаркета его вчера выгнал застывший вечером охранник. Он же сегодня и днем до самого вечера дежурит. Злой очень — не пустит... Нужно идти до дальнего крупного магазина — в мелких нет таких, обогреваемых воздухом тамбуров, — а это с километр будет. Сильный мороз да с ветром сегодня.

Эх, согреться бы получше. Костер бы вечерком в укромном уголке развести, благо кипу газет он вовремя на свалке из рук почти подхватил, да рассовал их за пазуху, да по карманам. Да-а-а, хорошо бы напиться теплом, да до ночлега добраться — через плотину километра два-три будет. Там дворничиха знакомая добрая живет — из тех, кто один на миллион, — в подвал пустит. Переночевать: день и ночь — сутки прочь.

Само по себе расстояние-то небольшое, когда был здоров и не «бомжевал», мог пройти за двадцать минут. Даже с тюком вещей хаживал, А сейчас, дай Бог, минут за сорок добрести на больных ногах и с большой поясницей — да и то, если ветер в спину.

Да, натаскался он в свое время хорошо. И сказать, — шесть лет «челночил». Но однажды в двухтысячном, когда в очередной раз ехали из Турции, решил не распаковать большой тюк и не распаковать по сумкам вещи, чтобы не терять времени, а взвалил его на плечи и понес к терминалу. И то ли слишком тяжелым он оказался — утрамбовали больше обычного, то ли повернулся не так, а что-то вдруг оборвалось внутри у Василия, в глазах потемнело от сильной боли в животе. Бросил он тюк наземь и опустился рядом с ним, не в силах подняться. Пришлось жене просить помощи, чтобы довезти его до больницы, благо уже на своей территории были. А там, в больнице, врачи определили — разрыв тонкой кишки. Видно Василий от побоев рекетирских так и не оправился, а где слабó, как известно, там и рвется.

Василию удалили часть кишечника, под страхом смерти запретили поднимать тяжелое и прописали строгую диету. С тех пор Антонина стала «челночить» одна, а он торговал на рынке. Вот как раз на том месте, где он сейчас и идет в дальний супермаркет. Только раньше рынок был вещевым, а теперь — продовольственный. Да и тот вскорости собираются сносить и строить вместо него торговый центр или, как сейчас любят говорить, административно-хозяйственное здание.

Рядом с рынком — мусорный контейнер ближнего супермаркета, куда раз — а то и два раза — в день выбрасывают негодные продукты. Возле «пасутся» нищие пенсионерки, у которых пенсии такие, что после оплаты коммуналки не хватает на питание, или наоборот. К контейнеру и «бомжи» подтягиваются «ловить куски с барского стола» — все же пенсионерки из милости дают им кое-что и подбирать оставляют. Иногда, если повезет, выносят невесть откуда еще — тут уж у «бомжей» пир.

Вот и сейчас две старушки — одна, высокая, плотная и широкоплечая в коричневом платке, из-под которого выбиваются седые пряди волос, в сером халате поверх тонкого пальто и в латаных-перелатаных сапогах; и другая, щупленькая, худенькая, невысокого роста в белом вязаном платке, как-то особенно повязанном на голове, в длинном темно-синем потертом пальто и в явно не по размеру больших ботинках, по лицу скорее татарка, — копошились в контейнере, встав на цыпочки и двигая локтями над головой.

Василий, отроду метр девяносто, подошел и отодвинул озлобленно зашипевших на него старух, сгреб содержимое контейнера, сколько мог, и вывалил на снег. Женщины, разобравшись, что он не враг и не соперник им, стали дружно рыться в куче. А Василий в порыве благодушия наклонил контейнер и, повернув его, опер на лежащий по близости ящик. Теперь рыться в нем и доставать содержимое стало проще. Быстро разобрав кучку на снегу по сумкам, пенсионерки подошли к контейнеру, и они втроем — на добро нужно отвечать добром — стали вытаскивать из него и сильно побитые яблоки, и банки просроченной морской капусты, и обрезки заветренной то ли колбасы, то ли ветчины, и подгнившие бананы, и зачерствевший распакованный хлеб, и раздувшиеся пакеты кефира и ряженки. Женщины складывали все это в сумки, Василий же, которому все это нести было некуда, набил небольшой пакет — на ужин и на завтрак, а пообедал на месте. Так они втроем «оприходовали» весь суточный выброс из супермаркета. Повезло сегодня — раньше времени, наверное вынос продуктов сделали, народ не успел собраться. Когда подошли припозднившиеся старушки и двое «бомжей», то ничего съедобного уже не осталось. Василий не стал дожидаться, пока соберутся все окрестные «бомжи», — могли навалиться гуртом и отобрать добычу — выдал двум бедолагам по куску хлеба и колбасы и направился к супермаркету. Суетливо заторопились прочь и минималпенсии.

Василий шел по улице, на противоположной стороне которой стоял дом, где он раньше жил, когда еще был женат. Или — как правильнее сказать? — где он раньше был женат, когда там жил? Вот и окна и балкон знакомые (хотел сказать «родные»), но даже внутренне не смог, — какие родные? — уже столько времени прошло, да и давно отвык соотноситься с такими атрибутами уютного бытия, как квартира.

Да... Разладились у них тогда с Антониной. И понятно-то все по-человечески. Источника материального другого не было, а с него, инвалида, какой прок? Только и годен, что за прилавком сидеть, в лучшем случае стоять. А ей и туда ехать, и там бегать и искать, покупать да волочить, а потом все это — домой, да на рынок и с рынка (тогда складов на рынках еще не было). И везде деньги платить, а их на все не напасешься, и так не густо. Ну вот, поехала она, натаскалась с год, да и нашла себе молодого помощника — мужика сорока трех лет из области, моложе себя на пять годов (Василий-то был старше ее на шесть лет). Она познакомила их, представила: «Вот — помощник! А заодно и сам-с-усам, «челноком» научиться (а чего там учиться?) — и нам будет помогать, и себе деньги зарабатывать. Короче говоря, вроде так они договорились — он ей помогает таскать, а она его обучает всему «челночному» ремеслу, «натаскивает». Стали они ездить вдвоем, а Василий на рынке сидел и товары обоих продавал.

Так они и жили. Помощник поначалу уезжал в свой район — городок находился в часе езды от автовокзала, не так далеко. А потом стал все чаще оставаться у них ночевать, надоело мотаться туда-сюда. И Василий понимал, не возражал. А через полгода Евгений — так звали его — и вовсе поселился у них на постоянное жительство...

«Что-то то ли мороз все крепчает, то ли ветер такой холодный — до костей пробирает, — думал Василий. Он поднял воротник куртки — одно название, пора было во многих местах ее, разорвавшуюся, зашивать, — запахнулся поплотнее, скрестил руки на груди — все теплее.

Навстречу шла пара — мужчина и женщина, оба лет сорока, в дубленках и меховых шапках, веселые. Идут, смеются. Увидели его, смех, видимо, застрял в горле, потупились. Прошли молча мимо... и Василий мимо — каждому свое...

— Теперь эта комната будет твоя, — сказала однажды Антонина, показывая в сторону бывшей дочерней, где жил Евгений. Василий было «рыпнулся», зашел в

бывшую с их женой спальню, но там были уже не только вещи «соседа», но и он сам, глядевший своими ясными серыми глазами. А под короткими рукавами футболки перекачивались крупные ядерные мускулы.

— Ну что тебе, Василий? Живи, живи в той комнате. Тепло, сытно. Что еще нужно? Живи! — молвил.

Все понял он, молча перешел в отведенную ему комнату. Да и что мог инвалид поделывать — любовь зла! И зажили они втроем в двухкомнатной квартире, которую Василий получил от завода.

Так прошло еще полгода. И как-то Антонина говорит:

— Вась. Ну что тебе на рынке мужику на шестом десятке да инвалиду сидеть? Отдыхай дома!

— А торговать, кто будет?

— Да мы сами и будем.

Вот тут-то и засосало у него под ложечкой. Как прошибла догадка — худо будет! Он знал, ежели баба чего захочет, все сделает. Но догадка догадкой, а жить-то нужно. Торговлю у него отобрали, а вместе с ней и долю от дохода за работу. Денег не стало, до трудовой пенсии еще далеко, а пенсия по инвалидности — «курам на смех». Устроился Василий вахтером на четыре с половиной тысячи — в охранники его не взяли по состоянию здоровья и по возрасту. В сумме вместе с пенсией хватало на коммуналку — половину от общей платы за квартиру и услуги платил он — и на питание, более ни на что не оставалось.

Все бы ничего. Жил бы хворый в тепле да в относительной сытости. Да не тут-то было...

«Что же за холод сегодня? — Василия бил озноб, зуб на зуб не попадал. Хорошо, что супермаркет уже рядом. Он вошел через автоматически открывающиеся двери и забился в угол, поближе к решетке воздуходува, из которого потоком лился спасительный теплый воздух. «Слава Богу!» — подумал Василий, встал лицом к решетке, стремясь вжаться в стену, слиться с ней, стать как можно менее заметным.

Тепло, хорошо, стала постепенно уходить хроническая зябкость — рай! «Как бы подольше меня не трогали, чтобы прогреться, как следует. До похода через плотину к дворничихе еще остается часа два. Раньше ее дома не будет еще». Задремал Василий, научился дремать, как лошадь, стоя. Сквозь дрему слышал, как открывались и закрывались створки автоматических дверей, как рядом, со стороны переулка открывалась и закрывалась дверь простая, слышал шаги, говор, смех людей, шелест шин и мягкий рокот моторов проезжающих машин. Сменяя один другой, наплывали дремотные образы и растворялись, почти не осознаваемые, оставляя после себя лишь тяжесть на душе. Временами дремота отходила, вот и сейчас, в ответ на громкие возгласы мужчин, входящих в магазин, Василий открыл глаза и покосился в их сторону.

«Вообще-то неправильно называли таких, как я, «бомжами». Правильнее было бы назвать «бомжбуд» — человек без определенного места жительства и будущего», — почему-то подумалось ему...

А тогдашняя интуитивная догадка Василия оказалась верной. Антонина со своим «хахалем» стали методично изживать его из его же квартиры, пакостили по мелочам, кухню — а она была большой, благоустроенной и уютной, сам создавал своими руками, — занимали для оргий с приятелями: пили, танцевали под громкую музыку, пели, хохотали допоздна, а порой и до утра. Он же в это время у себя в комнате голодный, долго не мог заснуть. Так и уходил порой на дежурство, не выспавшись и не поев. Характер у Василия был такой — мирный, терпеливым и смиренным он был мужиком.

Когда Антонина с Евгением поняли, что их разговоры-уговоры типа: «Уходи,

мол, найди себе старушку — и она будет рада, и тебе хорошо!» или «Хочешь, мы тебе в деревне избушку купим?» — на него не действуют, стали пакостить по-крупному...

«Эх-эх-хэх!..» — вздохнул он и задремал вновь.

И снится Василию, что живет он в большом светлом красивом и теплом доме, где всего вдоволь — в каждой комнате по жаркому камину, а вдоль стен — все шкафы, шкафы... А в них одежда и обувь на любую тебе погоду: и непромокаемая от дождя, и меховая от мороза, и светлая легкая в жару. А рядом с кухней — ах, какие запахи аппетитные! — кладовая с холодильниками большими — от пола до потолка, — полностью забитыми едой...

Вдруг хлопает дверь... «Вроде закрывал?!» — думает он. Оборачивается, а перед ним какие-то незнакомые мужики в черном и со свирепыми лицами. Не успел он и рта раскрыть, как получил удар кулаком между глаз.

— Пшел вон отсюда, падаль!

— Как вы смеете? Это — мой дом! Кто вы такие?!

— Счас мы тебе покажем, кто мы такие, «бомж» вонючий!

Смотрит Василий, а это двое охранников в черном перед ним. Один из них тычет в него шваброй и орет:

— Пшел вон. Тебе говорят!

Делать нечего, придется уходить из теплого места. Только глянул мельком на часы в торговом зале — а на них уже без пяти минут восемь. «И то, слава Богу, почти два часа погрелся», — подумал он и побрел к выходу. Теперь нужно запахнуться по-лучше, и на всех парах к дому дворничихи. Еду искать он теперь не будет, иначе все тепло растеряет.

Улица была ярко освещена фонарями, витринами магазинов и рекламой. Но если смотреть в сторону от уличных огней, то видно было висевшее над городом темное усеянное звездами небо.

Согревшийся Василий энергично шагал по тротуару, скрестив руки на груди, немного нагнувшись вперед и ставя ступни носками немного вовнутрь, как конькобежец, чтобы, не дай Бог, не упасть. Он знал, что последствия такого падения в его возрасте и при ослабленном от постоянного голодного существования здоровье, а теперь, зимой, и при переохлаждении, могут быть трагическими. Перелом шейки бедра в его положении будет равносильен смерти.

Василия не впервые гнали вот таким образом. Он уже привык. Гнали его и тогда из квартиры Антонина со своим сожителем. После разговоров-уговоров, поскольку он не соглашался на старушку и деревеньку, они перешли к угрозам. «Сколько прожили, а подумать даже не мог, что у Тоньки такой характер может быть», — удивлялся он и теперь, но зла не держал.

Но удивлялся и не только он. Как-то разговорился в разгар всех этих «квартирных дел» с одним верующим сменщиком у себя на вахте. Тот, узнав о жизни Василия, убеждал его: «Нельзя ничего не делать, сложив руки, ожидая от других решения своей участи. Действуй, защищайся, отстаивай свои права, соблюдая при этом смиренное терпение, сохраняя мир в душе...». Но Василий был такой человек, что избегал всяких конфликтов, ссор, противостояний, зла, и в этом только и видел смирение, и ради мира в душе готов был уйти от всего этого прочь. «Вот такой я человек!» — говаривал он при этом.

Однажды Антонина с Евгением, когда Василий, решив разменять квартиру, нашел более-менее подходящий вариант, наняли бандитов — не бандитов, но «серьезных ребят», чтобы они выпроводили Василия из дому. Они и «выпроводили»... Избитый до неузнаваемости, Василий неделю пролежал дома, не в силах даже встать. Ра-

боту вахтера он не потерял, хотя и работал без трудового договора, без отметки в трудовой книжке, то есть без оформления. Дополз кое-как до телефона, позвонил. Руководство, которое было в курсе его домашних дел, пошло навстречу, и коллеги-вахтеры согласились поработать пару недель вместо «сутки-трое» по графику «сутки-двое» — то есть в более напряженном режиме.

Но у его «соседей» на руках были билеты, через неделю они должны были лететь в Турцию, и они торопились до отъезда убрать Василия из квартиры. Когда однажды вечером вновь пришли те самые «серьезные ребята», он, собравшись с силами, встал, сложил в чемодан самое необходимое и, еле двигая ногами, молча ушел. Вот такой он был человек.

Как и сейчас Василий шагал тогда в зимний вечер. Но какая разница была между тем Василием и этим — небо и земля. Тогда он шел, преисполненный надежд, что вот сейчас он придет к сестре, к родному человеку, к той сестренке, которую он в ее младенчестве носил на руках, нянчил ее, играл с ней в раннем детстве, занимался в школьные годы, и с которой он дружил по жизни, хотя в последние годы они встречались все реже и реже; придет, и Валентина все сделает для него, попавшего в беду. Он не думал о том, что между той девочкой Валенькой и теперешней Валентиной были долгие годы одиночества с двумя детьми — муж ее после ЛТП бесследно исчез. Детей нужно было поднимать, давать образование, а Антонина, когда они уже всю «челночили», была против помощи своей золовке, считая, что каждый должен сам обеспечивать свою жизнь, и Василий помогал сестре тайно, но, наверное, в недостаточных размерах. Валентина же патологически ненавидела все эти «бизнесы» и, будучи работницей поселковой библиотеки, довольствовалась своей зарплатой, садом, огородом, домашней скотиной и тем, что можно было подработать в соседнем совхозе...

Вот и плотина видна. Тепло уже почти все улетучилось и в теле начала появляться дрожь. Но тут Василий в ложбине, недалеко от плотины, увидел костерок. Не раздумывая, он направился к нему.

Двое мужиков, таких же бородатых, как и сам Василий, грелись у него и что-то ели.

— На жратву руки не протягивай! Самим не хватает...— сразу же один из них в лоб предупредил Василия.— А греться можешь, пока горит,— добавил он.

Немного погревшись — долго было нельзя, так как дворничиха, придя домой и поужинав, почти сразу же ложилась спать — вставать приходилось в пять утра — и потом, стучи — не стучи, на улицу уже не выходила,— Василий продолжил свой путь...

Тогда, когда, превозмогая боль в вывернутом плече и искалеченной пояснице, он добрался до сестры, был уже поздний вечер. Валентина удивилась, но приняла его, приготовила ванну, накормила и уложила спать, сказав, что обо всем поговорим утром, благо она завтра выходная.

Утром за завтраком, который Василий не мог назвать скромным, так как давно уже питался воздержанно, сестра расспросила его. Рассказывая, он отметил, что глаза ее во время всего разговора были сухи и спокойны.

— Тебе нужно познакомиться с женщиной. Хочешь, я помогу? У меня жить тебе не с руки, хоть дети и разъехались. Я все же еще не отказалась от мысли создать семью,— сказала она.

Валентина и правда познакомила его с одной, другой, третьей женщиной. Но как-то так выходило, что ни одна из них не польстилась на Василия. Одна, как только услышала, что он ничего, кроме как токарить и «челночить», не умеет, а заниматься этим в силу своей инвалидности не может, тут же и заскучала, и, посидев, ушла. Дру-

гая сказала, что был бы он на пенсии и получал тыщ восемь да плюс инвалидскую, тогда еще куда ни шло, сидел бы дома и по хозяйству потихоньку помогал, хоть на огороде — и то добро. Но до пенсии Василию было без малого восемь лет, а инвалидская пенсия — копейки. Вахтер? Ну, где в ее деревни вахтером работать, а до города далеко. Можно было раньше в совхозе устроиться на канцелярскую какую работу или сторожем, так сейчас совхоза и в помине нет в деревне. В поселке? Так тут вахтерской работы кот наплакал, да и платят две тыщи. Люди, несмотря на это, держатся ради приработка «руками и ногами». Третья, как узнала, что инвалид, что поясница сильно травмирована и половины кишечника нет, покачала сочувственно головой: «На что мне такой? Ни мешка с картошкой поднять, ни огород вскопать, ни дров нарубить, ни воды натаскать!» — и тоже ушла восвояси.

На этом закончились знакомые у Валентины. Пожил еще недельку Василий у сестры, все ждал непонятно чего — как все добрые люди непременно доброго разрешения всех своих проблем. Но так и не дождался. К концу недели появилась на лице Василия растерянная улыбка. Да так он с той улыбкой и ушел, понял — одна у него теперь дорога. Вернулся он в город, и с тех пор «бомжует» вот уже лет семь-восемь, точно уже сказать не может — со счета сбился. И то хорошо, многие «бомжи» и пяти лет не протягивают.

...Василий дошел до конца плотины, оставалось пройти еще три квартала. Мороз с ветром доставал уже до нутра. Дрожь вновь стала бить его да все сильнее и сильнее. Ноги плохо слушались, так как ныла больная поясница. Он пожалел, что не дождался двадцати двух часов, когда при закрытии супермаркета повторно выносят «продукты». Если бы поел, легче было бы сейчас, да с собой бы прихватил. «Да какой супермаркет? — спохватился он. — Ведь боялся, что дворничиха ляжет спать, а просыпаться, вставать, одеваться, идти на улицу, открывать подвал она уже ни за что не станет... Один раз он сделал так, разбудил — обиделась, разозлилась, не пустила в подвал. Хорошо пожалела и в подъезд пустила, но предупредила, — в последний раз. Так и заночевал он тогда в описанной некультурной псиной кабине лифта — там меньше дуло... А так ничего, добрая она, пускает, если вовремя придти. А там, по нынешней поре студеной, просто рай!

Оставалось еще полтора квартала. Собираться с силами Василий умел. И воля у него была. «Почему ж «бомжом» стал?» — спросила однажды одна доброволка в службе помощи. Василий пытался ей что-то объяснить, но та так и не поняла ничего. А просто он, когда дело касалось себя, был беспомощен как малое дитя. Ради другого мог даже подражаться, как это случилось вчера, когда один злой «бомж», не дай Василий, мог даже задушить другого «бомжа» за большой кусок мяса на кости, найденной в мусорном контейнере на дворовой помойке. Василий бросился на злого и ударом своего мощного кулака враз сшиб его на землю и вывернул руку за спину. Он хотел разделить поровну это мясо между тремя, но третий в это время, прихватив кость, быстро ушел, и был таков, даже не поблагодарив своего защитника.

Но вот и дом, где жила дворничиха, вот ее подъезд... Но что это? — Света в окнах нет! «Опоздал! Видимо она уже легла... Но не может быть!» — по его подсчетам еще должно быть только около девяти часов вечера. Он еще раз проверил номер дома, подъезд... Нет, все верно, и вот ее окна с характерным узором решетки. Он цеплялся обычно рукой за ее край, становился на немного выступающий цоколь и стучал по стеклу. Она выглядывала, выходила и открывала подвал, где горячие трубы, где из одной из них капает вода, и можно, взяв на время консервную банку у кошки и набрав воды, попить или умыться. Но все это пустяки, главное, согреться и переночевать. В полшестого утра дворничиха, выходя на работу, выпроваживала его, сунув в руку небольшой сверток с горячей картошкой, хлебом и, если повезет, кусочком сала или яйцом...

...Василий где-то с середины пути периодически растирал то бедра ног, то руки, то щеки и дышал в рукавицу, полуснятую с руки, сжимая окоченевшие пальцы в кулак. А теперь он шел, и вовсе непрерывно растираясь, так как мороз все крепчал. «И откуда такой морозище? Позавчера еще было, как и весь месяц, минус четыре-пять, вчера — не более пятнадцати (он смотрел на электронном табло, что светилось на здании одновременно банка, шикарного модного магазина одежды и обуви, ресторана и ночного клуба), а сегодня, сейчас, все тридцать да еще с сильным ветром!» — думал Василий, растираясь, а со стороны можно было подумать — оборванный человек танцует какой-то сумасшедший танец.

«Что делать? Нет, так околеть можно. Пусть разозлится, но в подъезд хоть пустит. Умолю, если что...» — и взявшись рукой за решетку, не переставая сильно дрожать, поднялся, встал на цокоть и только хотел постучать, глядь, а окна-то пластиковые! Слез Василий, еще раз удостоверился — все верно, ее окна. «Вот ведь, месяц не был, наверное, вставила. А с другой стороны, откуда у дворничихи такие деньги? Неужто Никитична вдруг разбогатела?» Еще раз ухватился, подтянулся, стукнул в окно, другой раз. Загорелся свет, и он увидел мужчину. Свет погас, но видно было, что тот смотрит сквозь стекло. Затем открылась форточка и высунулась голова.

— Чего тебе?

— Отк-к-крой под-д-д-вал, пож-жа-луй-ста! — из последних сил проговорил замерзающий Василий.

— Подвал? Какой подвал?.. Иди отсюда, а то полицию вызову! Иди, иди!

— А Ник-к-к-кити-ч-чна, где?!

— Нету тут никакой Никитичны, продала квартиру нам и переехала!

— П-п-пус-с-сти в п-п-под-д-дъез-зд!..

— Какой подъезд? Тебе что тут, «бомжатник», иди, иди отсюда!..

Форточка закрылась, снова загорелся свет, видно было, как мужчина — новый хозяин квартиры — открыл холодильник, налил стакан пива, выпил, затем снова подошел к окну, задернул штору, и свет погас.

«Что делать? — Василий знал — в этом районе, в радиусе примерно трех километров, мест, где ночуют бомжи, нет. А все подъезды — на кодовых замках, и частных домов нет. Дежурить у одного подъезда? Но так можно и не дожидаться, пока откроется...» И тут он вспомнил о телефоне службы помощи. Где эта бумажка?.. Да вот она!» — он достал через дырку из-под подкладки куртки клочок замусоленной бумаги, на котором когда-то, находясь в службе, записал номер. Он, по-прежнему танцуя, развернул ее. «Да, это их телефон! Но как позвонить? Мобильника-то нет...»

Вышел Василий на улицу. На ней, многолюдной днем, в десятом часу вечера никого не было. Он знал — в это время все сидят по домам у телевизоров и компьютеров... Но вот кто-то идет! Он пьяной походкой замерзающего, на полубесчувственных, ногах кинулся к человеку в тулупе, шапке ушанке, с лицом наполовину закрытым шарфом, который с собакой на поводке шел ему навстречу. Но тот шархнул, еле сдерживая бешено залаявшую таксу в меховом кафтанчике и таких же сапожках.

— Чего тебе?

— Те-т-те-л-леф-ф...

— Пьяный что ли? Пить есть на что, а одеться не на что?

— Не-не, мне те-те-л...

— Фу, Крыся, фу! — прикрикнул он, наконец, на собаку, накручивая поводок на руку. — Как же от тебя несет?! — это уже Василию. — Смотри, «бомж», а пьяный. Вот дела! Ну, на вот тебе, больше нету, — сжалился он и бросил монету в пять рублей на снег.

— Те-тел-е-е-фон?! — наконец, собравшись с силами выкрикнул Василий.

— Что, телефон тебе дать? Ишь чего захотел! Ха-ха-ха! Пошли, Крыся! — мужчина дернул за поводок и, потащив не переставшую лаять таксу, ушел.

«Да что же это?» — Василий уже не чувствовал кончика носа, щек, бедер... Он замерзал все больше и больше — движения и растирания не помогали. Улица снова опустела...

Но вот на противоположной стороне появилась женщина. Она неторопливо шла с большими полными пакетами с остановки автобуса. Василий с надеждой на совершенно бесчувственных ногах, широко расставляя их, чтобы не упасть, бросился к ней через пустую мостовую. Женщина, увидев неуклюже переваливающегося с ноги на ногу, еле держащегося в вертикальном положении, с горящими глазами человека, бегущего к ней, что есть силы бросилась от него по тропинке к дому и, перехватив пакет другой рукой, на ходу достала из кармана магнитный ключ. Добежав до подъезда, она плохо слушающейся от волнения рукой приложила ключ к кодовому замку и открыла дверь.

— По-по-до-дож-жди! Пу-пус-с-сти!

Но женщина, со страха, видимо, не разобравшись, кто он и что, быстро влетела в подъезд, и дверь за ней закрылась. Василий в отчаянье отвернулся. Ноги уже совсем не подчинялись ему, навалилась усталость, тянуло ко сну, хотелось сесть, а еще лучше лечь, и спать, спать, спать...

Да вот и лавочка под раскидистой вишней. Лучи уличного фонаря серебрятся на только что умытых теплым летним дождем листьях и ягодах. Пахнет травой, а ближе к лавочке — цветами, с ухоженной заботливыми руками матери и соседки, любивших вечерами посидеть у подъезда, клумбы. «Почему их сегодня нет? Наверное, интересный фильм по телевизору припозднился, вот они и смотрят его. Если бы они знали, как хорошо сейчас на улице! Посидеть, отдохнуть что ли?» — Василий сел — благодать-то какая: птицы щебечут, легкий теплый ветер шевелит волосы. Ах, как приятен покой, как легко и славно. А теперь, после трудового дня — поспать, поспать, поспать...

И видит Василий сон — он, молодой, полный сил в спецовке в своем цеху. Станок, довольный умением мастера, поет свою песню, работа ладно спорится. Подходит старший мастер, а с ним — начальник цеха, называют по имени-отчеству, советуются, как лучше выполнить новый заказ. Недаром он, Василий, уже лет пять — на доске почета всего завода!.. Но вот и конец рабочего дня. Нужно зайти в профком — обещали к отпуску путевку в санаторий, в Анапу, на двоих с женой. Как представил Василий, теплый солнечный берег, разогретый песок, шум и брызги прибоя, так приятно стало на душе. «Так ведь заслужил, поди, отпуск и покой!» — подумал он и, в предвкушении этого отдыха и покоя, продолжительно и сладко вздохнул...

...Утром спешащие на работу люди видели сидящего на лавочке в тридцатиградусный мороз человека. Глаза его были закрыты, а одежда, борода и лицо — все было покрыто искрящимся в свете уличных фонарей снегом. Прошло, видимо, около сотни озабоченных своими делами людей, прежде чем один мальчик, потянув за руку маму, подошел и дотронулся до руки сидящего.

— Мама, дядя замерз! Потрогай, вот, посмотри, какая рука у него холодная!

Женщина толкнула сидящего, но тот даже не шелохнулся. Она сняла рукавицу, дотронулась до его лица и тут же, в ужасе, отдернула руку.

— Дядя совсем замерз... — сказала она, вытаскивая сотовый, и, поколебавшись секунду, набрала 03.

Приехавшие медики забрали замерзшее тело и отвезли его в городской морг.

Сергей Овчинников
(г. Щекино)

ЛИЗА

Родился в 1963 году в Щекине. Окончил рязанский медицинский институт. Публиковался в журналах «Альбом», «Время и мы», «Наша улица», «Родина», «Роман-журнал 21 век», в «Литературной газете». Автор нескольких книг прозы. С 2001 года издает и редактирует литературный альманах «Тула». Член Союза российских писателей

После остановки в Сухиничах, где вдоль вагонов, увешанные куклами, днем и ночью сновали продавцы игрушек, поезд «Москва — Киев» мерно стучал колесами на стыках рельс, медленно набирая скорость. Вскипятив пахнущий углем вагонный тигель, проводница ходила по коридору вдоль купе, разнося чай. Пушкарев смотрел, как люди пристраивают на полках только что купленных на перроне игрушечных верблюдов, медведей, зайцев, и думал, что где-то здесь, за окном, в этом плюшевом царстве, давным-давно гнездились его маленькое счастье...

Однажды в сентябре, лет десять назад, Пушкарев купил билет до Адлера, чтобы погреться на увядающем солнце, и отдохнуть с неделей от рабочей суеты. К той осени он уже развелся с первой женой Юлей, а Валентина только маячила на горизонте. Пушкарев пестовал свою одинокость, засматривался на встречных девушек, вживаясь в роль свободного человека.

Адлер Пушкарев освоил еще вместе с Юлей, сразу оценив этот маленький южный городок — в конце 20 века там стандартный курортный лоск смешивался с ароматом кавказской провинциальности, создавая домашнюю, уютную атмосферу, которой недоставало в Сочи. Приезжал сюда Пушкарев чаще осенью, потому что летом отправлялся на русский север. Но к сентябрю на Селигере, Валдае, в Карелии становилось бесприютно и холодно, Пушкарев на месяц снимал в Адлере квартиру недалеко от пляжа, ему нравилось по утрам работать в прибрежном кафе. Открыв дорожный компьютер, заказав кофе, Пушкарев прятался под синий зонт у края набережной, постукивал клавиатурой своего «макинтоша», почти скрытый от прохожих бурно разросшейся зеленью. Написав страницу, оставив компьютер бармену, отправлялся плавать, потом садился на привычное место, смотрел, как внизу, на гальке пляжа, появляются новые люди. Пушкареву достаточно было взглянуть на человека, чтобы домыслить его судьбу. Вот, например, стареющая одинокая женщина и ее взрослый сын, который, судя по всему, только что вышел из тюрьмы. Она хлопчет над ним, одевает ему панаму, бегаёт за пивом и говорит ежеминутно: «Не холодно стоять? Долго не купайся, застынешь!» А сын — очень худой, весь в наколках, — с каким-то изумлением глядит на мир, двигаясь, как заржавленный. Похоже, близких людей, кроме матери, у него не осталось, и он подчиняется ей, потому что себя боится... Или

вот одинокий мужчина с маленькой девочкой на пушистом полотенце, вышитом зайцами. Егоза дочка то и дело звонит матери по сотовому телефону, докладывая, что делает папа. Висит на отце, надвигает ему на лицо шляпу, щекочет, но тот, поглядывая на молодых женщин, о чем-то печально думает. А маленькая шпионка хохочет, не выпуская из рук телефона.

Штормящее море накрывало пеной влажную кромку пляжа, распугивая воробьев и голубей, что сновали по гальке, выпрашивая у людей крошки хлеба.

— Что это вы делаете? — спросил кто-то из-за плеча Пушкарева, и он вздрогнул, потому что стеснялся, когда посторонние видели его неопрятный черновой текст. Пушкарев обернулся. За его спиной всматривалась в экран молодая худенькая блондинка — очень белокожая, с большими глазами, приятным лицом.

— Девушек завлекаю, — сказал Пушкарев.

— Это у вас ноутбук?

Пушкарев свернул на экране текст, принялся объяснять, как устроен портативный компьютер, и что можно делать с его помощью.

— А теперь ваша очередь рассказывать! — в заключение сказал он. — Что это вы тут одна, в вашем нежном возрасте, делаете?

— Мужчин завлекаю! — в тон ему ответила она.

— Понятно. Можете считать меня вашей добычей. Пойдемте, искупаемся вместе?

— Только недолго, ладно?

— Почему?

— После расскажу!

На пляже она сразу освободилась от платица: у нее было еще не загорелое девчоночье тело с небольшими выпуклостями под тесноватым белым купальником. Пушкареву стало казаться, что на пляже слишком людно сегодня. К берегу как раз причаливал рыболовный сейнер, переделанный в прогулочный пароход, оттуда кричали в мегафон, приглашая на морскую экскурсию.

— У вас есть хотя бы час? — спросил Пушкарев, указывая на сейнер.

Белокожая красавица кивнула, первой побежала на трап. Корабль загудел сиреной, обдал солярочным дымом, двинулся кормой вперед, медленно разворачиваясь. Далеко в море волны были почти незаметны, глубина притягивала мерцающей таинственностью. Капитан выключил двигатель, высматривая в бинокль дельфинов. Пушкарев нырнул с кормы в теплую воду, увлекая за собой бледнолицую спутницу. Она была бесстрашна, хотя неважно плавала. Когда уставала, Пушкарев буксировал ее на своей широкой спине, глядя на взлетающие с берега самолеты. Чтобы не утонуть, она была вынуждена обнимать Пушкарева за шею, и у него кружилась голова от неожиданной женской близости, она же вела себя так, будто ничего особенного не происходило, щебетала о чем-то обыденном, заставляя отвечать ей.

— Мы еще увидимся? — спросил Пушкарев на берегу.

— Не знаю, — она опустила глаза, подавая свои тонкие пальцы. — Меня зовут Лиза.

Взяв ее руку для прощания, Пушкарев, неожиданно для себя, поцеловал маленькую женскую ладонь. Лиза покраснела, выдернула руку, помахала соленой ладошкой. Пушкарев отправился в кафе, открыл компьютер, но работать не смог, перед глазами стояла эта странная девушка, мерещился запах ее мокрых волос. После ужина Пушкарев снова пошел к морю, надеясь увидеть Лизу. Из прибрежных ресторанов гремела музыка, сверкали огнями вывески гостиниц и казино, праздные люди неторопливо прогуливались по набережной. Вскоре Пушкарев увидел ее — она шла рядом с пожилым человеком, который напоминал крота из мультфильма «Дюймовочка». Натолкнувшись взглядом на Пушкарева, Лиза вздрогнула, посмотрела жалобно, точно была в чем-то виновата.

Утром Пушкарев скучал в кафе, на душе у него было тягостно. «Что такое!? — ругал он себя.— Ведь ничего не было! Мимолетное пляжное знакомство, с чего ты взял, что оно продолжится?» Пушкарев углубился в работу, готовя для своей газеты новую статью, анализируя политическую ситуацию на Ближнем Востоке, именуя Палестину «триггерной зоной всей обозримой истории». Пушкарев считался главным аналитиком их областной газеты, но платили за статьи мало, приходилось зарабатывать на стороне. Окончив истфак педагогического университета, и курсы журналистов, Пушкарев, не успев еще получить отращение к политике, «шабашил» помощником думского депутата. Его патрон имел сеть роскошных магазинов на центральных улицах города, но простейшее выступление перед избирателями становилось для него проблемой, а тексты депутата готовил Пушкарев — «специалист по связям с общественностью».

Когда теплые женские пальцы внезапно закрыли веки Пушкарева, он обрадовался, как в детстве, словно ему очень хотелось мороженого, и вот, наконец, его купили!

— Теперь я знаю ваш секрет,— сказал он Лизе, выключая компьютер.— Вы приехали с папой.

— Это мой муж,— покраснела она.

Пушкарев удивленно вскинул брови, покачал головой, рискуя обидеть красавицу.

— А сколько лет вашей жене? — усмехнулась она.

— Сейчас я холост.

— Тогда вы ничего в этом не понимаете,— махнула Лиза рукой.

Пушкарев улыбнулся:

— Сколько времени у вас сегодня?

— Часа четыре! Я сказала, что пройду по магазинам.

— За четыре часа мы успеем добежать до канадской границы!

— Не стоит. Лучше поедemте куда-нибудь в горы! У моего мужа больное сердце, а я с детства мечтаю попасть в горы! Они мне даже ночью снятся!

— О-кей, только я заброшу домой свои вещи!

Возле пятиэтажки, где он снимал квартиру, Пушкарев на всякий случай спросил:

— Может быть, зайдете, выпьем чаю?

Лиза усмехнулась, покачав головой. Пушкарев оставил дома компьютер, заварил чай в термосе, через дворы коротким путем увлек Лизу к автовокзалу.

— Какая вы странная! — говорил он.— Я ничего не понимаю! Как сочетать вашу целомудренность и желание поехать в горы с незнакомым человеком?

— Да ну вас! — остановилась Лиза.— Никуда я не поеду!

— Не бойтесь, я не собираюсь обижать вас! Но в горы, как в разведку, нельзя идти с незнакомым человеком! Кто вы?

Лиза рассказала ему про себя — двадцать шесть лет, живет в Сухиничах, отец и мать развелись, когда Лизе было три года: отец уехал работать на север, завел другую семью, мать запила, и ее как-то нашли мертвой на улице. Воспитывала Лизу бабушка — она умерла от инсульта, когда внучка сдавала выпускные экзамены в медицинском училище. Устраиваясь на работу в поликлинику, Лиза упала в голодный обморок прямо в кабинете отдела кадров. Ее назначили медсестрой к опытному терапевту, тот оказался добрым человеком, сначала заменил ей отца, позже стал мужем. Они прожили вместе пять лет, ему сейчас пятьдесят шесть. Лиза сказала, что никогда не оставит мужа, потому что в ее жизни было и так много предательств, с нее хватит, она знает, как это страшно и больно, когда тебя бросают самые близкие люди...

— Я все понял,— перебил ее Пушкарев.— Спасибо, что были так откровенны.

— Ваша очередь рассказывать о себе, я ведь тоже боюсь идти в горы с незнакомым человеком!

— А зачем идете?

— Вы мне показались хорошим, порядочным! Неужели я ошибаюсь?

— Какая вы хитрая! Я скажу, что не ошиблись, и этим возьму на себя обязательства вести себя хорошо. А если мне захочется вас поцеловать? Это плохо?

— В щеку можно. Хочу мороженого!

Пушкарев купил гранатовый сок, мороженое, шоколад, билеты в автобус до Красной Поляны, уселся рядом с Лизой на пыльное сиденье горного рыдвана. В тот год еще не закончили прямую дорогу в горы через тоннель, по серпантину вдоль Мзымты ходили маленькие «пазики» с укрепленной на крыше сеткой от камнепадов. В автобус набилось множество жителей горных сел — они возвращались с рынка, почти каждый из них держал возле себя пустые ведра или корзины, вымазанные проданным инжиром. На сиденье перед Лизой и Пушкаревым вертелся мальчишка с ранцем, туго набитым учебниками. Когда «пазик», натужно гудя, пронесся мимо аэропорта, мальчишка тоже громко жужжал. Глядя на самолеты, он изображал руками фигуры высшего пилотажа. Вдоль дороги мелькали выгоревшие от летнего солнца пыльные кусты, разноцветные домики, сложенные из камня заборы. Плывущие вдали горы, покрытые лесом, напоминали зеленый каракуль. У форелевого хозяйства Пушкарев помог Лизе выйти, он знал здесь хорошую тропинку, и Ахштырские пещеры были неподалеку: вдруг в его спутнице проснутся спелеологические интересы? Пушкарев увлек Лизу к навесному мосту через Мзымту, заранее предвкушая ее восторг. И правда, Лиза захлопала в ладоши от одного только вида маленького каньона — пенистая река, нависающие над водой слоистые скалы, деревья, точно заглядывающие сверху в пропасть. Пушкарев запечатлел ее восторг своим фотоаппаратом, такой она и осталась в его памяти — стоящая над пенными бурунами, счастливая, похожая на девчонку. Под мостом на красных надувных катамаранах мчались ошалелые сплавщики, их рулевой обрызгал стоящих на мосту водой, Лиза засмеялась, присев от испуга. Стали подниматься вверх по слоистым, отполированным туристами камням у самого обрыва. С каждым шагом вверх становилось заметно холоднее, земля издавала странный, волнующий аромат. По каменистым, растрескавшимся тропинкам пробегали ящерики, оглушительно трещали в зеленом пологе леса цикады, вскрикивали невидимые птицы. Пушкарев и Лиза иногда подходили к обрыву — в лицо бил верховой ветер, через пропасть летела красная бабочка, камни из-под ног срывались вниз к зеленой воде. Когда Лиза устала, Пушкарев нашел в лесу крошечную пещерку с ровными стенами и сухими листьями туристического ложа. Они уселись на эти шуршащие листья, пили чай из походного термоса, ели шоколад. Пушкарев осторожно обнимал вздрагивающую Лизу, стараясь не обидеть ее навязчивостью.

— Прости, давай не будем, я ведь не железная! — Лиза удерживала его руки. — Ты обещал мне!

Они шагали дальше, собирая шиповник и дикие груши, Пушкарев смеялся, когда Лиза пугалась на тропинке забредшего сюда деревенского козлика, и почему-то был счастлив, хотя думал о том, что никогда, наверное, больше не увидит Лизу, запомнив этот день навсегда. Так и случилось: он и сейчас, десять лет спустя, отчетливо слышал звук раскачивающейся речной тарзанки, видел белесое марево речной долины, покрытые снегом горные вершины за Красной Поляной...

Они долго спускались вниз на дрожащих от усталости ногах, заказали в кафе у форелевого хозяйства горячую рыбу, испробовали домашнюю «Изабеллу», которую продавал стоящий тут же абхаз.

— Спасибо тебе за прекрасный день! — сказала, прощаясь в городе, Лиза. — Ты очень добрый. Мне везет на хороших людей! Наверное, нам не нужно больше видеться, а то привыкнем, и будет больно расставаться...

— Пожалуйста, не гони меня! — взмолился Пушкарев.

— Не нужно было ходить в горы, — опустила глаза Лиза. — Все это плохо закончится. Но у меня не было другого шанса. Часто кажется, что жизнь проходит мимо, а я ничего не успеваю! Ведь мы скоро состаримся...

— Не скоро, — улыбался Пушкарев. — У нас еще куча времени!

Пушкарев отправился с Лизой в магазин женской одежды, ведь нужно было купить платье. Ей подходили все из тех, что она примеряла. Лиза смеялась, когда он не вовремя заглядывал в пыльный закуток примерочной, а Пушкарев смотрел на нее и думал, что такого родного человека еще никогда не встречал.

Стряхнув мучительно-сладкие воспоминания, Пушкарев заставил себя вернуться в купе. Жена Валентина и сын Юрка собирались обедать, раскладывали на тщательно протертом столе хлеб, завернутое в фольгу мясо, рыбу. Пушкаревы ехали в Киев — хмельной, вечно гудящий, лощеный и прикровенный, — Валентина хотела увидеть Крещатик, Днепр, «майdan незалежності», Андреевский спуск, Лавру...

— Граница скоро? — спрашивала она, по неопытности опасаясь таможенников.

— После Брянска, — отвечал Пушкарев, нарезаая себе копченую рыбу. У каждого в семье были свои кулинарные предпочтения: Валентина любила зелень, сыр и овощи, сын — мясо, а Пушкарев — рыбу.

— Папа, папа, смотри, лиса! — кричал Юрка, показывая в окно.

Пушкарев, откинув штормку, глядел на лису, очищал вареное яйцо, разламывал бутерброд с рыбой, обжигался чаем из раскаленного стакана в позолоченном подстаканнике. После обеда вышел в коридор, делая вид, что смотрит в окно. Перед глазами стоял тот давний Адлер.

Спустя несколько дней Лиза и Пушкарев перестали сдерживать чувства, но девчонка, даже целуя Пушкарева, иногда повторяла:

— Он умрет от горя, если я оставлю его! Это грех!

— Так устроена жизнь, — вставал со смятой постели Пушкарев, — все главное, что с нами происходит — грех. Хочешь винограда?

Он мыл на кухне инжир, персики, виноград, наливал в фужеры вино, открывал коробку с конфетами, смотрел на часы, которые стремительно пожирали их общее с Лизой время. Снова подбирался к девчонке, гладил ее худенькую спину, с обмиранием сердца замечал нежную линию груди, целовал девичью шею там, где заканчивались светло-русые волосы. Лиза жмурила глаза, роняла из рук персик, ее дыхание сбивалось, время заканчивалось, нужно было идти, они же срастались кожей, как сиамские близнецы, и разделение было так болезненно!

Внешне Пушкарев жил обычной курортной жизнью — отправлялся на пробежку, завтракал, собирался на пляж, где брал в аренду пластмассовый лежак, стучал по клавиатуре компьютера, накрывая голову полотенцем. Пляжные торговцы пробирались меж лежаками, разнося ежевику в стаканах, вареную кукурузу и хачапури. Пушкарев изредка поднимал голову от компьютера, смотрел на снующих вдоль моря детей, прислушивался к мерному рокоту волн, крикам чаек, возвращался в текст, который саднил в нем уже несколько месяцев, писал, что главным в сегодняшнем мире становится тот, кто безжалостен, и легко может убить. Эта способность убивать, менять друзей, когда это выгодно, заключать союз с тем, кто еще вчера был твоим врагом — качества, которые выдвигают сейчас наверх. Но России нужно создать механизм, который бы позволил двигаться наверх людям, обладающим преданностью родине, бескорытием, честностью...

На пляже становилось многолюдно, являлась Лиза — ее муж следом нес огром-

ный надувной матрац,— они устраивались на камнях, Лиза отправлялась купаться, оставив подслеповатого мужа сторожить вещи. Пушкарев относил компьютер бармену в знакомое кафе, доставал из сумки маску и ласты, выныривал далеко в море, куда приплывала на матрасе Лиза. Она шлепала по воде ногами, шелушилась кожа на ее загорелых плечах, взлетали из-за города самолеты, качался маяк на берегу — счастье все длилось, длилось... Пушкарев приносил со дна розовую, блестящую изнутри раковину, кидал в Лизу прозрачной медузой, уплывал в море к внезапно появившимся дельфинам, выныривал вновь рядом с Лизой, невидимый с берега за ее громадным надувным ложем.

— Не могу представить, как я уеду? — говорила Лиза, целуя его руки.— Что я буду делать без тебя?

— А я вообще стараюсь не думать об этом,— поливал ее водой Пушкарев.— Впереди еще несколько дней, и они мне кажутся вечностью.

После обеда муж Лизы обычно ложился спать, а Лиза и Пушкарев гуляли по залитым солнцем, жарким улочкам Адлера. Вокруг сияли зеркальными стеклами роскошные виллы частных гостиниц, возле абхазских таверн вкусно пахло дымными шашлыками, на калитках частных домов тут и там висели таблички: «Сдается комната». Лиза и Пушкарев, держась за руки, бродили под пальмами, ели сладости в прохладном кафе, где главным достоинством был мощный кондиционер, ездили смотреть шимпанзе в обезьяний питомник.

— Я в детстве не верила, что меня кто-то полюбит? — говорила Лиза.— Считала себя ужасно некрасивой. И для меня всегда было главным желанием, чтобы меня любили. А сейчас узнала, как здорово любить самой... Поняла, о чем люди поют в песнях! Я ведь была как спящая царевна, а ты расколдовал меня!

— Пойдем скорее, моя царевна,— улыбался Пушкарев, целуя Лизу,— мы еще не были в одном чудесном ущелье!

Были у них горы, тысячелетняя роца самшита, молочная река, о которой, наверное, русские люди говорили в сказках (вода похожа на молоко из-за растворенного в ней сероводорода), скала, где высилась скульптура мускулистого Прометея, рвущего цепи. Пушкарев спрашивал:

— Знаешь, что такое золотое руно, за которым ехали сюда гомеровские аргонаты? Мне кажется, это кольчуга! Ведь раньше иной раз делали золотые кольчуги в виде овечьей шкуры. Одну такую нашли в Испании, где жили иберы. У некоторых здешних народов иберийские корни...

— Как ты можешь думать об этом!?! — начинала вдруг плакать Лиза.— Ведь скоро уезжать, и мы, наверное, больше не увидимся!

— Увидимся, я не смогу жить без тебя! — твердил Пушкарев, целуя соленые щеки Лизы.

А потом отпуск у Лизы, и вправду, закончился, город для Пушкарева сразу опустел и поблек, он тоже вернулся домой, стал ходить в редакцию, писать статьи, выступать на совещаниях, но все это казалось ему теперь странным, ненужным, бессмысленным. Пушкарев, как сомнамбула, застывал среди потока жизни, этот поток его больно ранил. Пушкарев старался много работать, готовил одновременно несколько статей для газеты, ездил с депутатом на встречи с избирателями, а сам почему-то думал о смерти. Записывал в дневнике: «В обыденной жизни люди настолько поглощены мелкими мыслями и делами, что нет времени думать о главном. А главное то, что всех нас ждет смерть, и когда мы умрем, не нужны станут квартиры, машины, дачи, к которым стремимся. Приходим на свет думать, учиться, любить, а вместо этого заняты мелкими будничными делами. В нашем торгово-рыночном мире ценность человека определяется его счетом в банке и вещами, которые его окружают. Но это сумасшествие, массовый психоз, галлюцинация, в которой мы все живем»...

Днем иногда удавалось как-то забыться, но вечером в душе Пушкарева появлялась гулкая, мучительная пустота. Если боль становилась невыносимой, он брал отгул, ехал в Сухиничи, поселялся в заштатной гостинице с вырванными из стены розетками, продавленными панцирными кроватями, переживал пароксизм болезненного счастья, когда приходила Лиза, целовал ее всю, не отпуская до вечера. Иногда удавалось поехать куда-нибудь ненадолго. В краеведческом музее Брянска или Калуги, перед стендом с ржавыми монетами, выщербленными серпами, выцветшими знаменами, блеклыми фотографиями, он держал ее за руку и был счастлив. Но после наступала расплата — когда они расставались, Пушкарева ломало, как наркомана: падало настроение, болела голова, расстраивался желудок. Он звонил каждый день в Сухиничи, чтобы услышать хотя бы голос Лизы.

Так прошел год. Сгорала уже новая осень, Пушкарев сидел дома вечером с книгой, за влажным от дождя оконным стеклом дрожали желтые фонари, когда позвонила Лиза.

— Я не хочу больше мучить тебя,— сказала она в трубку, сдерживая рыдания.— Ты весь извелся, прости меня... Почему, когда хочешь счастья, обязательно делаешь кому-то больно? Почему за счастье нужно обязательно расплачиваться чужим несчастьем? Ничего поделать нельзя. Я буду всегда любить тебя, но так больше нельзя. Сердце не выдержит! Не приезжай больше, милый!

Когда он примчался в Сухиничи, Лиза лежала в клинике с тяжелейшим неврозом. В приемном покое больницы Пушкарев держал в ладонях ее похудевшие пальчики, говорил что-то, еще не зная, что видит Лизу в последний раз. Она вскоре уехала с мужем в Германию, скрыв от Пушкарева свой новый адрес. Иногда звонила, чтобы поздравить с днем рождения, сказать, что все еще любит его. У Пушкарева была длительная депрессия, пришлось тоже прибегнуть к помощи доктора. Когда боль стала меньше, Пушкарев снова появился в редакции, начал вести в газете «дискуссионный клуб» — темы его до сих пор были Пушкареву отвратительны. Помнится, они тогда обсуждали роль интеллигенции в русской истории. Термин этот, придуманный, кажется, Боборыкиным, не давал им покоя, ведь образованные, культурные и морально щепетильные русские люди часто решали судьбу своего народа, не интересуясь его мнением. Иногда Пушкареву казалось, что русская интеллигенция подсознательно ненавидит Россию, ведь эти объективно хорошие люди готовили обе русские революции 20 века, едва не погубившие страну, стоившие народу миллионов жизней. И, после каждой революции, словно в насмешку, пришедшие к власти почти полностью уничтожали интеллигенцию, ввергнув ее в унижительную нищету, заставив эмигрировать или вынудив отказаться от моральной щепетильности...

— Папа, почитай мне книгу,— тормозил Пушкарева за рукав маленький Юрка. Поезд тормозил на окраине Брянска, проводник раздавал пассажирам бланки таможенных деклараций. Пушкарев взял сына на руки, вернулся в купе, стал читать ему древнюю летопись, переводя ее на понятный ребенку язык.

Сергей Крестьянкин
(г. Тула)

ПОСМОТРИ ВОКРУГ*
(маленькая сказка)

Девочка сидела на ступеньках и плакала. Люди шли мимо. У каждого свои заботы. Какое им дело до маленькой плачущей девочки, может она просто капризничает. Девочка сидела и плакала, плакала тихо — чуть слышно. Люди шли мимо. Некоторые бросали взгляд в ее сторону, но их лица не выражали ничего кроме озабоченности какими-то своими взрослыми делами.

Из-за угла соседнего дома вышел высокий стройный человек в черном цилиндре, во фраке, белоснежной накрахмаленной сорочке, с «бабочкой» на шее и тросточкой в руке. Прямой ровный нос, тонкие губы, большие добрые внимательные глаза с длинными пушистыми ресницами, высокий гладкий лоб без единой морщинки и темные вьющиеся волосы, ниспадающие на плечи. Человек был молод. Он посмотрел вокруг, увидел девочку и направился прямо к ней.

— Здравствуй, Мила! — поздоровался человек, приподнимая цилиндр.

Девочка перестала всхлипать, протерла глаза и внимательно посмотрела на говорившего.

— Откуда вы знаете мое имя? — удивленно спросила она незнакомца.

Тот улыбнулся.

— Потому что я — волшебник.

Девочка рассмеялась.

— Нет, волшебников не бывает.

— Как же не бывает, когда я есть, — резонно заметил человек в цилиндре.

«Действительно», — подумала Мила. — «Как же волшебников не бывает, когда вот он стоит сейчас перед ней. Или все это снится?»

— Но где же доказательства, что вы — волшебник?

— Я назвал тебя по имени, знаю, что тебе 9 лет, что любишь конфеты «Петушки» на палочках и получать рождественские подарки, кататься зимой на санках с горки, а летом бегать под дождем босиком по лужам. И что у тебя есть младшая сестра, которая любит проказничать, а наказывают всегда тебя.

На этих словах, просветлевшее было личико девочки, снова стало хмурым.

— Вот и теперь тебе досталось ни за что. Ты злишься на сестру, которая разрисовала стену, разбила банку с вареньем и залила водой весь пол.

— Откуда вы все это знаете? — изумилась Мила.

— Я ведь тебе говорил, что волшебник, а ты мне не верила.

На этих словах молодой человек снял цилиндр, и оттуда почти сразу же показалась голова маленькой обезьянки. Она посмотрела на девочку, потом на волшебника и скрылась в цилиндре. Мила как завожженная смотрела на обезьянку, чуть приоткрыв рот и затаив дыхание. Она забыла про все свои обиды. Ее внимание было приковано

* Наш постоянный автор

к этому маленькому чудному существу. Вот обезьянка появилась снова, держа в лапках средней величины банан. Она опять смотрела на волшебника, после чего протянула банан Миле.

— Угощайся,— сказала она, вернее говорил-то волшебник, но девочка была уверена, что сказала именно это странное существо, так как, ни разу в жизни не видела обезьян, а только слышала про них.

— Ой! Кто это? — удивленно спросила девочка.

— Это моя помощница Чича.

— Она умеет разговаривать?

— Конечно,— не моргнув и глазом, соврал мужчина.— Она же помощница волшебника.

Пообщавшись еще несколько минут с Милой и угостив ее напоследок конфетой «Петушок» на палочке, волшебник распрощался с ней, взяв с нее слово, что она больше никогда не будет плакать по пустякам.

Девочка, с просветленным взглядом, так и смотрела ему вслед, держа в одной руке банан, а в другой свою любимую конфету «Петушок» на палочке.

Волшебник попрощался с Милой. Сделал несколько шагов и растворился.

«Значит это все-таки настоящий волшебник. Ведь он же пропал»,— подумала Мила, лишь на секунду отвлекшись от человека в цилиндре, чтобы лизнуть леденец.

А волшебник никуда не пропал, он просто завернул за угол. Пройдя два квартала он свернул на соседнюю улицу, потом на следующую и еще на одну. Немного пропетляв по городу, словно он от кого-то скрывался, человек толкнул дверь харчевни. Звякнул колокольчик и волшебник оказался внутри.

— Самуэль, вы опять в этом шутовском наряде,— укоризненно качая головой, встретил того хозяин заведения — синьор Форелли.

— Мы с Чичей выполняли очень важное задание. Успокаивали девочку Милу. Показали ей несколько фокусов, угостили бананом и леденцом. Мила была просто счастлива оттого, что пообщалась с настоящим волшебником.

— Да каким волшебником! Вам самому есть нечего, а вы покупаете в кредит для чужих детей экзотические фрукты и конфеты.

— Работа у нас — у волшебников, такая,— грустно улыбнулся Самуэль, вынимая из цилиндра обезьянку. Он почесал ее за ухом, достал из кармана кусок хлеба и протянул его Чиче.

— За работу деньги получают, а вы, наоборот, свои последние тратите,— сокрушался синьор Форелли.

— Я просто соскучился по цирку, по его шумным представлениям, по смеху людей, по волшебству, которое его окружает. Вы же знаете, синьор Форелли, я с 12 лет выступал в цирке, еще когда были живы родители. Более 10 лет я выходил на арену, пока не упал с высоты и не поломал себе руки и ноги.

Сейчас времена изменились. Хозяин цирка — другой. Он не захотел ждать, когда я поправлюсь, да и гибкость после травмы у меня была совсем не та, и взял вместо меня другого.

Синьор Форелли, я как раз хотел у вас узнать, не найдется ли какой работы?

— Ну что с вами делать, Самуэль? Наносите из колодца воды, заполните эти три бочки и я вам заплачу один сальдо.

— Мне за костюм и банан надо отдать два сальдо.

— Наколите дров, сложите их в сарае и вычистите коровник. Получите четыре сальдо.

Глубоко за полночь Самуэль вышел из коровника со свечой в руке. Он выполнил всю работу, на которую подражался. Было относительно светло. Небо оказалось чис-

тым, и луна ярко блистала, отражая солнечный свет. Самуэль задул свечу, поставил ее на бревно, лежащее рядом. Закрыв коровник, снял кожаный фартук, повесил его на забор. Налил из кувшина, стоящего на бревне, молока в кружку и залпом его выпил. Присел, отдыхая, посмотрел на звезды. До рассвета оставалось чуть больше трех часов.

Очевидно, придя к какому-то решению, Самуэль поднялся и пошел спать на сеновал.

Лишь только забрезжил первый луч солнца «волшебник» был уже на ногах. Он чистил свой цилиндр и куртку, разогревал на углях чугунный утюг и отглаживал белую рубаху с кружевным воротничком, постиранную накануне. Одним словом готовился к своему очередному выступлению — творить добро и радость и нести волшебство людям. Закончив все свои приготовления, Самуэль помог синьору Форелли по хозяйству, за что заслужил кусок баранины и стакан вина, а для Чичи — хлеб, молоко и орехи.

После этого он вернулся на сеновал, где в углу возле маленького окошка у него стояла широкая лавка, на которой он спал, а под ней маленький сундучок с разными волшебными принадлежностями. Здесь были и цветные появляющиеся из воздуха платки, и исчезающие шарики, и соединяющиеся колечки, и букет цветов, появляющийся из трости, и еще много всякой всячины, которую он использовал во время своих выступлений, когда работал в цирке и гимнастом, и фокусником.

Самуэль оделся в свой костюм волшебника, собрал, кое-что из цирковых принадлежностей в саквояж, захватил Чичу и отправился на поиски людей, которым нужна его помощь, кто верит в сказки, волшебство и чудеса.

Он бродил по городу, показывал горожанам фокусы, которые вызывали у людей улыбки и аплодисменты. А умение жонглировать различными предметами вызывало бурный восторг. Все смеялись до слез, когда в воздух взлетали не только мячики, но и камушки, цветки и даже ботинки. Этим своим выступлением он собрал около ста сантимов. А это уже — около одного сальдо!

Начавший накрапывать дождик разогнал зрителей.

Волшебник решил передохнуть. Он поел сам сидя под деревом и покормил Чичу, свою помощницу.

Дождь быстро закончился. Самуэль собрался и пошел на соседнюю улицу, где жил мальчик Папетто.

Тот находился в одиночестве. Он замахивался и бросал камешки в цель: несколько камешков, поставленных друг на друга. Но не попадал. Замахивался и кидал следующий.

Пока мужчина подходил к мальчику, он заметил, что тот в цель не попал ни разу. Кидал он примерно с десяти шагов. Но камешки так и остались, стопкой лежать на месте не тронутыми.

— Здравствуй, Папетто! Ну что никак не получается попасть?

Мальчик обернулся и внимательно посмотрел на странно одетого господина.

— Почему не получается? — расправил плечи мальчик — Это я просто пристреливаюсь.

И, немного помолчав, неуверенно добавил:

— Меткость вырабатываю.

— Да-а-а? — удивленно спросил Самуэль, с улыбкой глядя на Папетто.

Под веселым взглядом этого странного человека мальчик опустил голову, вздохнул и признался:

— Вообще-то вы правы. Я ни разу не попал.

— Молодец! — похвалил того мужчина.

— Чем же я молодец, если ни разу не попал? — опешил мальчик.

— Молодец не оттого, что не попал,— пояснил волшебник.— А оттого, что нашел в себе силы признаться в этом. Но ты не расстраивайся. Я тебе помогу.

— А вы кто? — запоздало поинтересовался Папетто.

— Я — волшебник.

— Как это?

— Очень просто.

— Волшебников ведь нет.

— Кто тебе это сказал?

— Все взрослые говорят.

— Взрослые в нас не верят, поэтому мы к ним не часто приходим. Они перестали верить в волшебство. И ничего не замечают вокруг, занимаясь своими взрослыми делами. Они взрослеют и, даже когда встречаются с чудесами, стараются их не замечать. Что они — дети? Они — взрослые! А надо просто посмотреть вокруг себя. Волшебство рядом. Посмотри вокруг! Только повнимательнее. И ты обязательно заметишь волшебство!

— А вы, правда — волшебник?

— Конечно. Ведь тебя зовут Папетто. Тебе семь лет. У тебя — две старшие сестры и одна младшая. Но у тебя нет друзей. Соседские мальчишки Антонио и Огюст частенько тебя колотят. Ты, бывает, хнычешь. И поэтому с тобой мало кто хочет общаться.

Папетто надул губы.

— Это не волшебство. Вам мог кто-нибудь все это про меня рассказать.

— Тогда бери камушек и кидай в цель. Ты обязательно попадешь. Только ты должен очень этого захотеть. Если будешь бросать просто так, то я тебе не смогу помочь. Так что поднимай камушек, но сосредоточься на цели и только после этого бросай.

Мальчик взял камушек, посмотрел на горку камней в десяти шагах от себя и на мгновение замер. Потом медленно замахнулся и стремительно выбросил руку вперед.

Камни брызнули в разные стороны.

— Ух, ты! Попал! — радостно крикнул Папетто.

— Ух, ты! Попал! — удивился Самуэль.

Мальчик подбежал к камням и вновь выложил их столбиком.

Вернулся на исходную позицию.

Бросил по цели.

Камни разлетелись.

— Второй раз попал! — глаза мальчика светились радостно.

— Надо же, опять попал? — тихо произнес волшебник. И чтобы удержать Папетто от третьего броска (вдруг промахнется), сказал:

— Ну, вот видишь. Я же тебе говорил, что я волшебник.

— Значит, вы мне точно поможете, как обещали? Сделаете меня сильным, и я смогу поколотить Огюста и Антонио?

— Я могу сделать это запросто. Но будет ли это правильно,— начал размышлять Самуэль.— Да, с помощью волшебства ты, конечно, сможешь поколотить своих обидчиков. Но, в сущности, ты останешься таким же, как и был: с заячьей душонкой внутри. А ты должен преодолеть свой страх.. Победить сначала внутреннего врага в себе. И заставить себя встретиться со своим врагом лицом к лицу и, не испугавшись, дать отпор.

— Значит, вы все-таки не волшебник,— разочарованно произнес паренек.

— Почему же? — обиделся мужчина.— Смотри, у меня цилиндр двигается.

Мальчик посмотрел. Действительно, головной убор у волшебника задвигался в

разные стороны, но с головы не сваливался, благодаря Чиче, которая цепко его удерживала, сидя внутри.

— Это, наверное, какой-то фокус.

— А хочешь, сейчас дождь пойдет? — произнес Самуэль, с сомнением глядя на небо, где были лишь легкие облачка и светило солнце.

Мальчик посмотрел вверх.

Дождя не было.

Он поднял камешек. Несколько раз подбросил его на руке. Размахнулся и швырнул в цель. Камни снова разлетелись в разные стороны.

— Я опять попал! — воскликнул парнишка.

— Надо же, — покачал головой Самуэль.

Неожиданно поднялся ветер. Набежали тучи. Пошел дождь.

— Ничего себе! — прокричал Папетто. — А остановить его сможете?

— Да нет ничего проще, — неуверенно ответил собеседник. — Сейчас он прекратится.

Паренек с надеждой посмотрел вверх. Но ничего не происходило, Дождь, как лил, так и продолжал лить и, похоже, не собирался заканчиваться.

— Не получается? — сочувственно спросил мальчик.

— Ты не думай. Сейчас все получится, — убеждая скорее самого себя, чем мальчика, произнес волшебник. — Просто та вода, которую я выплеснул с неба, должна достигнуть земли и дождь сразу прекратится. Будет опять светить солнце, и петь птицы.

Не успел он произнести последние слова, как дождь неожиданно закончился и из-за края тучи показался лучик солнца.

— Ух, ты! Здорово! Да вы, и правда — настоящий волшебник! — радовался Папетто.

— Что ты говоришь? — переспросил Самуэль, выходя из задумчивости и, как говорится, спускаясь с небес на землю. Он был не меньше мальчика ошеломлен происходящими событиями.

— Я говорю, что вы, и правда — настоящий волшебник.

— А ты разве сомневался?

— Я думал — вы врете.

— Запомни, Папетто, настоящие волшебники никогда не врут. Я обещал тебе, что ты попадешь в цель, и ты попал. Я вызвал дождь, а затем сделал так, что он закончился.

Из переулка вышла группа детей.

Папетто сразу сник и как-то сжался. Ребята подходили. Бежать было поздно.

— Ну, мне пора, — произнес волшебник. — Запомни, Папетто. Преодолей свой страх. Победи своего внутреннего врага. Пока ты с этим не справишься, тебе никто не сможет помочь. И ты будешь не просто зайцем, а дрожащим заячьим хвостом в глазах у всех. Победи врага своего, и я тебе помогу.

Самуэль развернулся и пошел по улице в противоположную сторону.

Несколько секунд Папетто стоял не двигаясь. Потом он принял какое-то решение. Расправил плечи, сжал кулаки и уверенным шагом направился навстречу своим обидчикам.

— Ну что, пришли? Давно я вас здесь дожидаюсь.

Услышал волшебник голос мальчика. Остановился и, обернувшись, посмотрел на происходящее.

— Вы-то мне как раз и нужны, — произнес Папетто и ударил Антонио, который был чуть постарше, кулаком в нос.

Тот вскрикнул. Схватился руками за лицо и упал на каменную мостовую. Из-под пальцев сочилась кровь. Окружающая их ребятня застыла на месте.

— А ты, что стоишь, глаза вылупил? — обратился нападающий к Огюсту, и нанес боковой удар в челюсть.

Получивший удар пискнул и грохнулся, как подкошенный.

Папетто дрожал, то ли со страха от содеянного, то ли от возбуждения, что все так получилось. Но отступить было некуда.

— Мне надоело играть с вами в поддавки. И запомните: теперь все будет иначе. Только суньтесь. Сразу по носу получите.

Огюст и Антонио сидели на еще мокрой мостовой и не понимали, что происходит.

Папетто обернулся. Волшебник стоял у угла дома и улыбался.

«Значит, он мне все-таки помог»,— думал мальчик.— «Сам бы я ни за что не справился».

Он помахал волшебнику рукой. Поднял камешек и кинул в цель. Груда камней разлетелась в разные стороны.

Папетто взглянул на волшебника, но того и след простыл.

Самуэль побродил по городу и вышел на площадь фонтанов. О, это была замечательная площадь. Очень старинная и красивая. Город гордился этой площадью. И всех приезжих обязательно сюда приводили и показывали это великолепие.

Площадь была большая и просторная. Здесь обычно гуляли в праздники и проводили карнавалы.

В самом центре находился фонтан в виде огромной чаши, где была статуя девушки с кувшином в руках. Она наливала воду в чашку путнику-всаднику, который засмотрелся на красоту девушки и не замечал, что вода уже наполнила емкость до краев и переливается через край. А девушка так смутилась, что тоже не заметила льющейся воды. Так они и застыли на века.

Вокруг главного фонтана стояли еще четыре, но поменьше. В одном было каменное дерево, обильно политое водой. Во втором находился дырчатый шар, разбрызгивающий в разные стороны струйки воды, и этим он очень походил на солнце. В третьей чаше были изваяния животных: собака, корова, лошадь, гусь и лев, которые мирно, никого не трогая, пили воду. А в четвертом фонтане-чаше мы видим фигурки детей. Мальчики и девочки радостно плещутся в прохладной воде. Вокруг всех этих фонтанов находились еще по три маленьких фонтанчика. Из каждой чаши выглядывала рыба. Их было двенадцать, и все они были разные.

Никто уже не задумывался, почему архитектор создал именно такой комплекс фонтанов. Все просто сюда приходили и наслаждались журчанием воды и прохладой, особенно в жаркие дни. Но в этом комплексе был заложен определенный смысл.

Эти 12 фонтанчиков обозначали 12 месяцев. Рыбы напоминали о том, что очень давно, когда жизнь на Земле только зарождалась, был огромный океан, а суши было очень мало, и все живое появилось из воды. Четыре средних фонтана говорили о четырех временах года: зима, весна, лето, осень. Солнце — это свет и тепло. Дерево с плодами — это еда. Собака, корова, лошадь и гусь — это те животные, которых удалось приручить человеку, и они стали его помощниками. Но остались еще и дикие звери, которых приручить не удалось и которые могут представлять опасность как для домашних животных, так и для человека. Дети символизируют зарождение — продолжение жизни на Земле. И над всем этим возвышаются доброта, красота и любовь, которые удерживают нашу Землю в равновесии при различных, порой необдуманных, людских поступках.

От площади фонтанов в разные стороны расходились, словно лучи, семь улиц с невысокими, большей частью одноэтажными домами.

Казалось, тихое журчание воды настраивало на определенный лад, продвигаясь по этим лучистым улицам и наполняя весь город тихой спокойной размеренной жизнью.

Волшебник уже заканчивал свое выступление перед не очень многочисленными зрителями, когда недалеко от него остановилась карета, запряженная четверкой лошадей. Из кареты вышел богато одетый синьор и подошел к Самуэлю.

О чем они говорили — никто не слышал. Но в конце своей речи приезжий показал рукой на экипаж.

Волшебник взял саквояж и цилиндр, в котором Чича собирала деньги за представление, о чем оповещал характерный звук позвякивающего металла. Он посадил обезьянку на плечо и раскланялся со зрителями. После этого они вместе с приехавшим синьором сели в карету и уехали в неизвестном направлении.

По большому счету никого и не интересовало, куда они направились.

Представление было закончено, и все стали расходиться.

Самуэль появился в харчевне поздно вечером. Солнце клонилось к закату и своим краем уже зацепилось за горизонт. В город вползали сумерки. Он (город) находился в состоянии перехода от вечера к ночи, которое люди чаще всего не могут отследить. Только что еще было светло. Человек отвлекся буквально на пару секунд, а когда посмотрел вокруг, заметил, что тьма поглощает город, пожирая дома и все живое. Улочки пустеют, птицы не поют. Жизнь замирает до следующего утра, до появления первого, слабого лучика света.

Свечи и жировые лампы попусту не расходовали. Зажигали лишь при необходимости. Поэтому спать ложились с закатом, а вставали с рассветом.

Самуэль был чем-то возбужден. Глаза его горели, волосы растрепались.

Синьор Форелли, видя в каком состоянии находится молодой человек, решил не допытываться того расспросами. Немного остынет, сам расскажет, тем более такой взбужденный он вряд ли заснет.

И точно. Спустя полчаса мужчина, сняв свой цирковой костюм и переодевшись в обычное платье, покинул сеновал и вошел в помещение харчевни.

Синьор Форелли занимался своим обычным делом. Выпроводив последнего посетителя, он убирал посуду, объедки и протирал столы, готовя их к завтрашнему дню. Протерев стол, синьор задувал свечку, стоящую на столе, и переходил к следующему.

Самуэль взял тряпку и стал по традиции помогать хозяину харчевни.

Вдвоем с этим занятием они справились быстро. Свечку за одним из столов синьор Форелли гасить не стал. Он поставил на стол кувшин с вином, горшочек с мясом и кусок хлеба. Посмотрел на молодого человека вопросительно.

— О, если это вы мне, спасибо, не надо,— встрепенулся Самуэль.

— Вы отказываетесь от еды? Вы не голодны? — брови синьора взметнулись вверх.

— Нет. Я — сыт,— услышал он в ответ.— Да, еще вот что. Сколько я вам должен?

— Да бросьте вы, Самуэль. Какие деньги? У вас же их никогда не бывает. Я и считать-то уже перестал. Тем более, что вы постоянно помогаете мне по хозяйству.

— А все-таки. Мне интересно знать?

— Ну, если вы настаиваете...— синьор Форелли задумался.— Что-то около 10 сальдо или, может быть, чуть больше.

Самуэль, словно заправский волшебник, покрутил руками в воздухе, засунул правую руку в карман, вынул и положил на стол звякнувший мешочек.

Мешочек был хоть и небольшой, но кожаный. Завязан золотистой тесемкой. В таких обычно знают носят деньги.

— Вот,— произнес волшебник. Развязал шнурок и высыпал деньги на стол.

Увидев эту грудку денег, глаза у хозяина харчевни округлились.

— Самуэль, мальчик мой, вы меня пугаете. Вы залезли в чей-то дом? Или обобрали пьяного синьора? А может быть убили кого-то?

— Да что вы такое говорите, синьор Форелли.

— Ой, только не говорите мне, что вы нашли эти деньги на мостовой.

— Нет, конечно. Я их заработал.

— Где это вы смогли заработать целую кучу денег? Здесь же, наверняка, больше 50 сальдо,— взглянув на деньги, профессионально быстро сосчитал сеньор.— Покажите мне это место, и я пойду туда работать, а харчевню закрою.

— Меня пригласил к себе выступить перед детьми и гостями синьор Аугусто Бернандо из дома на площади ратуши. Даже карету за мной прислал.

— Ой, посмотрите на него. Он разъезжал по городу в карете. Если вы не врете, то вы получили хорошие деньги. Эти деньги можно вложить в какое-нибудь дело и вылезти из нищеты.

— Я хочу эти деньги отдать вам в счет уплаты долга и за то, что я у вас нашел кров и кусок хлеба.

— Вы посмотрите на этого человека! — всплеснул руками хозяин харчевни.— В кои веки ему удалось заработать такие деньги и оказывается, что они ему не нужны.

— Деньги мне нужны лишь на пищу, кров и одежду. А куда девать остальные — я не знаю.

— Открыли бы пекарню и выпекали булочки, крендели, калачи с ванилью, маком, корицей,— мечтательно произнес синьор Форелли.— У вас бы отбоя от покупателей не было. А то все ходите, да по сторонам смотрите,— сокрушался хозяин харчевни.

— Синьор Форелли, а вы видели, какие сегодня яркие звезды. Как они мерцают над головой. Словно маленькие эльфы машут крылышками, наблюдая за нами с высоты.

— Какие звезды? Что за эльфы? — оторвался от своих мечтаний пожилой мужчина.

— А вы видели, как весной из почки на дереве появляется первый листочек? А какие днем по небу проплывают облака? Какой причудливой формы? Посмотрите вокруг! Как прекрасно. Волшебство окружает нас. Надо только внимательно посмотреть.

— Самуэль, у вас был тяжелый день. Вы устали. Ложитесь спать. Как гласит пословица: «утро вечера мудренее». А завтра мы с вами продолжим разговор.

Синьор Форелли собрал монетки в мешочек, завязал шнурок и отдал его циркачу. Тот задумчиво взял кошель и ушел к себе на сеновал.

Хозяин харчевни окинул взглядом свое заведение и взялся за перила, чтобы подняться на 2-ой этаж в свою комнату. Но что-то его остановило. Он поставил подсвечник с горящей свечой на ближайший стол и направился к выходу.

Открыл дверь. Вышел на крыльцо. Задрал голову, посмотрел вверх.

«А ведь он прав. Небо чистое. Ни облачка. Светит луна. И звезды, словно мошки, кружат над головой. Да, пожалуй, даже не мошки, а именно эльфы машут крылышками радостно порхая без забот... Тьфу, ты! Чем я занимаюсь, старый дурак. Наслушался речей мальчишки. Вылез, как крот из норы. Делом надо заниматься, а не на звезды смотреть».

Он развернулся и открыл дверь харчевни.

Но прежде, чем синьор Форелли шагнул внутрь, он обернулся и через плечо взглянул на небо.

«А когда я последний раз смотрел на звезды?.. Когда был молод, как Самуэль... Как давно это было...»

Татьяна Рогожина
(г. Тула)

БАСОНЯ

Печаталась в литературном альманахе «На крыльях «Пегаса». Член литературного объединения «Пегас» при Тульском региональном отделении Союза писателей России.

Софья Константиновна Лесневская давно не отдыхала по-настоящему, то есть с чемоданом и дальними странами. Все как-то больше на даче. А тут вдруг надумала. Вернее, давняя приятельница Оля позвала ее на Черное море съездить. Автобусом.

Дешевый вариант. Но возможностей!

Так красиво все расписала, что Софья, поколебавшись пару дней, согласилась. Тем более что вот уже месяц как свободна она от всяческих трудовых обязательств, то есть на пенсии. Катайся, сколько душе угодно. Или на сколько денег хватит.

Деньги пока что у Софьи водились. Хотя перспективы пугали, накопления имеют нехорошее свойство — заканчиваться. Но есть ли смысл об этом задумываться именно сейчас, когда душа страдает, оставшись без привычных обязанностей, которые выполняла она, заведя лабораторией в городской СЭС, почти восемнадцать лет.

Рекорд по современным меркам.

На ее должность всегда было слишком много желающих, поэтому начальство,строив щедрые проводы, категорически отказалось оставить ее поработать еще немного. «Отдыхайте, дорогая наша Софья Константиновна, отдыхайте, хватит уж...»

И никого не волнует, что как раз отдыхать она не умеет. Совершенно.

Кое-как скоротав время на даче, благо был август — сезон сбора урожая и заготовок, Софья пережила первый свой месяц без работы. И без перспектив, ибо какие могут быть перспективы у одинокой стареющей женщины.

Тоска беспросветная.

А тут подруга Оля со своим предложением. Отдохнуть. Дешево. На море. Бархатный сезон и все такое...

Действительно, сезон оказался бархатным. Море — синее, облака — легкие, а пейзажи — дивные. И не так жарко, как летом. Но Софья Константиновна с трудом сдерживала раздражение. Ну, сколько можно валяться на пляже и шататься по окрестностям?! Утром просыпалась в ожидании вечера, мечтая лишь об одном, чтобы время летело скорей, и эта пытка ничегонеделаньем, наконец, закончилась.

К концу первой недели она слегка привыкла к праздному образу жизни и даже стала получать какое-то удовольствие от бокала вина на набережной и утренней прогулки в парке, но Оля все равно увидела, разглядела ее неумение (нежелание?) расслабиться и отдохнуть.

Н-да, тяжелый случай...

И что с этим, прикажете, делать?

Решение пришло, когда они сидели на пляже, вернее, Оля лежала, а Софья лениво разглядывала отдыхающих, изредка комментируя происходящее: «Ой, смотри, какая куколка идет!». Куколке на вид года три, но она уже в парео и с пляжной сумочкой. Или: «Вот, скажи, зачем так громко смеяться, если вас уже и так заметили». Это про двух смазливых девиц, вокруг которых кружили, привлеченные их роскошными еще незагорелыми телами, потенциальные кавалеры, скорее всего из местных.

Обычная курортная жизнь.

Чаще всего, однако, Софья Константиновна обращала внимание на детей, ошалевших от обилия свежего воздуха и относительной вседозволенности, отчего безудержное веселье легко переходило в слезы с капризами.

Рядом двое ребятишек строили из гальки башни, а когда это занятие им надоело, начали приставать к маме, которая со страдальческим лицом сидела под зонтиком, разминая пальцами виски. Мальчик постарше, лет пяти, спросил, подергав ее за ногу:

— Мама, а когда ты выздоровеешь из головы? Хочу на корабле покататься. У нас в саду две девочки уже катались и тошнились.

— А я колбасы хочу, — заканючил пацан поменьше.

Женщина достала из сумки бутерброд, но детеныш, прежде чем сунуть его в рот, уточнил:

— А это старая колбаса или молодая?

— Смешные, — улыбаясь, заметила Софья, — хоть записывай. Столько забавного говорят.

Мама малышей, услышав ее реплику, включилась в разговор:

— А я и записываю. Уже целый блокнот извела. А что?! Самый возраст: одному скоро пять, а второму — два с половиной. Вон мелкого сегодня из моря вынула, а он мне: «Мама, я дрожу, как осенний поцелуй». Откуда что берется? Или — старший, утром стучит в дверь ванной комнаты, спрашиваю: «Кто там?», отвечает: «Это твой любимый мужичок пришел».

От двух до пяти. Как у Чуковского.

Малыши, почувствовав интерес к ним, устроили показательные выступления. Они, быстро разрушив свои постройки, затеяли веселую стрельбу из водных пистолетов и продемонстрировали свое умение громко петь и хорошо драться, после чего, получив по попе, отправились на обед.

Софья как-то сразу погрустнела, заскучала. Ее взрослый сын жил далеко и не слишком баловал своим вниманием. Точнее, он присылал открытки на день рождения, поздравлял с новым годом и восьмым марта. И все. Чужие теперь люди. А во всем виноват бывший муж. После развода уехал в Израиль, а потом в Канаду. Сын, которому на тот момент исполнилось пятнадцать, переехал к отцу. Потому что там совсем другие возможности. Перспективы.

Она осталась одна. Работа, дача, дом. Случались редкие романы, но без каких-то важных для одинокой женщины, последствий.

— Так, — немного подумав, сказала внимательная подруга Оля, — есть неплохой вариант. Сразу не отказывайся. Подумай. Сама понимаешь, что шансы в нашем возрасте... Короче, у моей Машки лучшая подруга работает в детском саду. Заведующей. Там всегда кадров не хватает. Приедем домой, я все точно разведу...

Предложение ее вызвало такой бурный протест, что они чуть не поссорились.

Но.

На следующий день, когда они снова загорали на пляже, появились те же малыши с мамой. Узнав вчерашних соседей, радостно кинулись им навстречу:

— Привет, ребята! — закричал самый младший.

Мама его поправила, начав объяснять, как правильно обращаться к взрослым людям, но ее перебил старшенький. Желая отличиться, он поклонился в пояс и сказал:

— Здравствуйте, старушки! Как вы поживаете на своем коврике?

Софья, виновато посмотрев на Олю, сказала, точнее выдохнула: «Я согласна», и полезла в сумку за конфетами, чтобы угостить озорников.

Отпуск пролетел быстро, оставив легкое напоминание в виде ровного загара и пары лишних килограммов. Софья устроилась на новую работу. Нянечкой. Но без всяких перспектив карьерного роста, то есть воспитателем ей не стать — образование не то.

С Олей они виделись часто, и каждый раз Софья притаскивала свой толстый блокнот, куда записывала понравившиеся ей детские фразы и смешные истории.

— Вот, слушай, что мои охломоны вчера выдали. Сижу, смотрю, не могу понять, чем они занимаются. Ты не поверишь, но они играли в Российский банк. Под одним столом — офис, где они деньги игрушечные считали, под другим — магазин, куда эти банкиры периодически бегали за шампанским. Один Васенька, ну, помнишь, я тебе про него рассказывала, не участвует. Сидит печальный, руки в карманы положил, нахохлился. Подхожу, спрашиваю, что случилось. Он, тяжело вздохнув, отвернувшись в сторону, плачущим голосом сообщает, что не будет играть в эту игру, потому что не умеет заседать.

Она счастливо улыбнулась.

— А вечером, когда ужинали, одна малявка из новеньких заявляет: «А сейчас мне, пожалуйста, принесите коктейль с зеленой трубочкой и пирожное, чтоб сверху было две вишенки. Запомните или записать?». Умора, а самой-то только три года исполнилось. Но будущая принцесса. Готовый вариант. Ой, а вот этот эпизод я тебе, наверное, еще не рассказывала. Костик тянет меня за юбку и говорит: «Басоня, а посмотри, правда, у меня прическа такая привлекательная, что все женщины сразу повалят жениться?». Ничего, говорю, симпатичная у тебя стрижка. Но жениться-то, пожалуй, рановато. А он в ответ делает круглые глаза и заявляет: «А ты разве не знаешь, что холостяки живут на десять лет меньше?». Спрашиваю, откуда информация такая? Отмахнулся, уже переключившись на другое: «Басоня, да телевизор мне сказал! Вчера».

В этом рассказе Олю, прежде всего, заинтересовало новое словечко — «Басоня». Незнакомое. Но неуловимо что-то напоминающее.

Софья все разъяснила:

— Ой, да это меня так дети называют. Софья Константиновна — для них слишком сложно. Стали звать бабушка Соня, а потом как-то лишние буквы и вовсе отпали. Баба Соня. Ба Соня. Басоня. Откликаюсь. Деваться некуда. Еще чаю? Нет, нет, мне бежать пора, хочу детям сюрприз сделать, завтра сразу у двоих день рождения будем отмечать. А к нему надо готовиться.

— Что за сюрприз такой? Или секрет?

— Нет, конечно. Пирог пойду печь. Лимонный. Кстати, один из именинников недавно отметил в моем блокноте. Первый раз, но зато как! Слушай. Дело было во время тихого часа. Я подошла, чтобы Шурику одеяло поправить, раскрылся, а в окна дует. Он сквозь сон вдруг говорит: «Я родился в Южной Америке. Родителей там не было. Я скучал. Потом поехал в Москву и нашел себе папу, маму, дедушку с бабушкой и тебя, Басоня». Фантазеры!

Софья Константиновна Лесневская, чудесным образом переименованная в Басоню, вернувшись домой, испекла лимонный пирог, а потом достала из сумки свой блокнот, полистала его с улыбкой и на обложке вывела красивым почерком: «Моя новая жизнь».

Теперь она не одинока.

